

Арктический КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ Карри

18+

ДАНИ РЕДД

в переводе Марии Виноградовой

Дани Редд

Арктический клуб

любителей карри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69280660

Арктический клуб любителей карри: Эвербук/Дом историй; Москва;

2023

ISBN 9785005801241

Аннотация

У Майи вроде бы все хорошо – есть любящий отец, отличная работа и заботливый бойфренд Райан, но тоска по рано умершей маме до сих пор не дает ей спокойно жить.

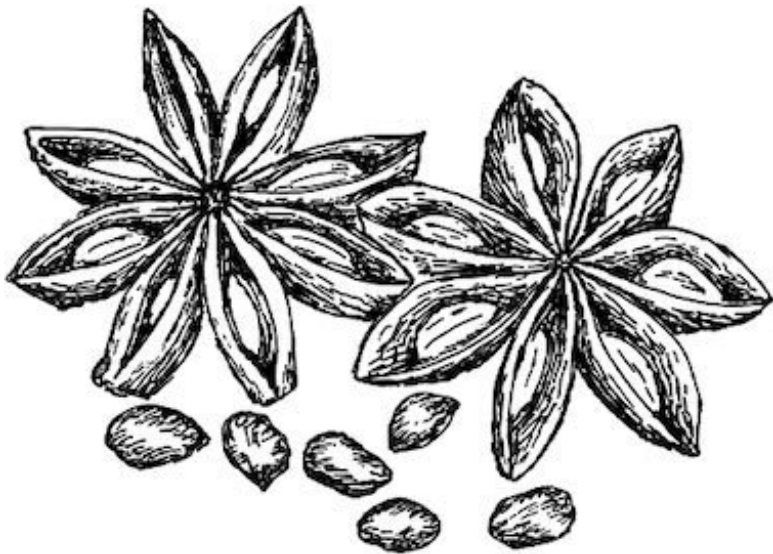
Майя решает уехать от проблем в Арктику, вот только тревожность – очень тяжелый багаж, да и Арктика не соответствует ожиданиям: вместо волшебного северного сияния – жуткий холод и полярная ночь.

В попытке обрести равновесие Майя устраивается работать кухаркой и начинает готовить индийскую еду по рецепту из маминой поваренной книги. Тогда Арктика и перестает быть страшной – благодаря согревающим блюдам Майя находит друзей и обретает уверенность в себе.

Но с каждым новым рецептом она вспоминает то, что когда-то очень старалась забыть...

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	13
3	20
4	30
5	39
6	50
7	59
8	69
9	79
10	92
11	101
Часть вторая	108
12	109
13	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дани Редд
Арктический клуб
любителей карри

DANI REDD

THE ARCTIC CURRY CLUB

Copyright © Dani Redd, 2021

This edition published by arrangement with Diamond Kahn
& Woods Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

© Виноградова М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Эвербук», Издательство «Дом Историй», 2023

Часть первая

1

Самолет летел и летел все дальше на север. Я перегнулась через Райана, чтобы выглянуть в окно.

– Да не на что там смотреть – темно уже, – чуть извиняющимся тоном проговорил он.

Я прижалась лицом к стеклу (не слишком сильно, потому что опасалась, как бы оно не треснуло) и, прищурившись, взгляделась в слабые очертания облаков внизу.

– Интересно, а северное сияние мы увидим?

Райан улыбнулся.

– Поедем кататься на снегоходах и отыщем, обязательно.

– А вдруг у меня не получится на снегоходе?

Райан сжал мою руку.

– Ну конечно, получится. Это проще простого – как на квадроцикле, вот и все.

На квадроцикле я тоже никогда не ездила, но не стала сейчас уточнять. Райан считает, я часто к себе несправедлива, а мне хотелось проявить себя с лучшей стороны в нашем Большом Приключении. Он так упорно трудился, чтобы получить эту позицию, – не стану же я все портить ему нытьем.

– Прямо не терпится заценить тамошние рестораны, – сказала я. – При одном есть собственная теплица с уймой растений. А подают в нем китовое мясо и оленину.

– Вот в первые же выходные и сходим!

Я собиралась ответить, но меня прервал громкоговоритель:

– Мы начинаем снижение к Лонгйиру. Пожалуйста, вернитесь на места и пристегните ремни безопасности.

Странное обрывающееся чувство у меня в животе объяснялось не только резкой потерей высоты.

Когда Райан сообщил, что ему предложили стажировку по наблюдению за полярными медведями в самом близком к Северному полюсу городе мира, я засмеялась. Но он не шутил – он показал мне имейл и сказал: а здорово было бы, если б я поехала с ним. Я представила, как мы с ним жмемся друг к другу в задымленной хибарке, убиваем дубинками тюленей на завтрак и, потихоньку сходя с ума от отсутствия других собеседников, начинаем поедать собственные башмаки. В ответ он заверил меня, что Лонгйир – настоящий маленький городок с супермаркетом, отелями, пабами и ресторанами. Мало-помалу идея перестала казаться такой уж безумной.

Разумеется, жизнь полна примеров, когда ожидания не совпадают с реальностью. Взять хоть платья, которые заказываешь онлайн, увидев на модели гораздо стройнее тебя. Или попытки испечь выпендренный торт по неопробованному рецепту. Или вот коммунизм...

– Майя? Все в порядке?

Райан встревоженно смотрел на меня.

Я заставила себя улыбнуться.

– Ага. В полном порядке. Совершеннейшем.

– Я же вижу, ты нервничаешь. Что абсолютно понятно.

Если тебе от этого будет легче, знай: мне тоже очень не по себе.

– Тебе?

– Ну да. Ташу свою шикарную девушку в самый северный город мира – и не хочу, чтобы она пожалела, что поехала. А еще начинаю новую работу и боюсь оказаться неопытнее всех.

– Ты отлично справишься! Им с тобой повезло, – заверила я.

– А мне повезло, что ты согласилась со мной поехать.

Он протянул руку, и я положила голову ему на плечо. Задница у меня такая объемная, что сидя мы с ним получаемся почти одного роста, так что в этой позе у меня слегка болит шея – зато он такой теплый и крепкий, что я сразу почувствовала себя уверенней.

Шасси ударились об асфальт, самолет затрясся и постепенно остановился. Значки «пристегните ремни» погасли, мы поднялись и подхватили свои вещи. Передо мной в очереди стояло семейство с двумя детьми, и оба ныли.

– Будет очень весело, – усталым голосом сказала мама.

«Весело» – одно из самых обманчивых слов английского языка. Оно включает в себя мини-гольф, корпоративные выезды и вечеринки, на которых ты стоишь в углу, в ушах у тебя звенит, а ты гадаешь, когда будет социально приемлемо

уйти.

Вот и дети на него не купились. Заныли, что хотят в Диснейленд. Нашли, куда хотеть!

Я продвигалась вслед за семейством к переднему выходу, пытаюсь вспомнить фотографии Лонгйира, которые видела в Сети. Разноцветные деревянные домики на фоне снежных гор. Громады айсбергов и синие тени под ними. Северное сияние, раскинувшееся по небу зелеными и фиолетовыми лентами. Кружки с горячим шоколадом перед ярко пылающим огнем. Но все картинки Арктики, что я рисовала себе в голове, рассыпались, стоило мне лишь выйти из самолета.

Холод ударил меня по лицу, точно пощечина, чуть ноги не подкосились. А еще кругом было темно, совершенно темно, хотя всего три часа дня. Я застыла – и в прямом, и в переносном смысле.

– Детка? Мы всех задерживаем.

В голосе Райана сквозило смущение – очередь позади уже начала пассивно-агрессивно ворчать на нескольких языках. Однако назад пути не было – я сделала выбор в тот миг, когда зашла в самолет.

Я заставила себя двинуться вниз по трапу. Холод пробил мой пуховик в считанные секунды. Он обдирал лицо. Ноздри изнутри словно исполосовало крохотными лезвиями. У каждой страны свой запах – обычно это первое, что замечаешь, выходя из самолета. Англия пахнет дождем и бетоном, горьковато, но свежо. Когда я в прошлом году ездила в Ду-

бай, тамошний воздух, болотистый и влажный, был пропитан выхлопными парами и растительной сыростью. Но здесь я вообще запахов не различала.

Когда мы спустились, Райан обнял меня за плечи.

– Чертовски холодно, а? Надо было балаклавы надевать.

– Я не могу надеть балаклаву в самолет. Меня арестуют, – сказала я.

Лицо у меня занемело, словно покрылось толстым слоем инея. Я бы не удивилась, если бы так оно и было.

– Пойдем скорее внутрь.

Под ногами хрустело несколько дюймов снега. Рабочие в комбинезонах разгружали багаж. Другие – в каких-то машинах – окружили самолет и чем-то его поливали, наверное антиобледенителем.

Я посмотрела за самолет, надеясь разглядеть окрестный пейзаж, но увидела лишь темноту. Тогда я переключилась на освещенное здание терминала впереди. Через стеклянную дверь виднелись другие пассажиры (в основном бородатые белые мужчины) в дурых куртках и тяжелых сапогах, толпящиеся вокруг единственного багажного конвейера.

Когда мы прошли через автоматические двери, температура поднялась так резко, что я застонала вслух от облегчения.

– Ух ты! Крепко пробрало, а, – сказал Райан.

– Не говори!

Мы посмотрели друг на друга. Щеки у него покраснели,

глаза слезились от холода, но он улыбался. Я невольно улыбнулась в ответ. А потом мы оба засмеялись, сама не знаю почему. Наверное, от облегчения, что оказались в тепле... а может, и легкая истерика с моей стороны. (Ну типа, что, черт возьми, мы тут делаем, ну правда же?) И все-таки во всем этом мы были вместе.

2

У выхода из терминала пассажиров ждал автобус до Лонгйира. Я поспешно забралась внутрь, предоставив Райану запихивать наши чемоданы в багажное отделение. Со своего места у окна я видела, как он помогает двум тщедушным, закутанным с ног до головы фигуркам управиться с их багажом, а потом еще чуть задерживается, чтобы обменяться с ними парой слов. Он умел завязать разговор с каждым встречным. Я всегда завидовала ему в этом, потому что сама-то не могла и слова сказать, не думая, что любой мой собеседник а) пытается отгадать мою этническую принадлежность, б) хочет, чтобы его оставили в покое, в) считает меня страшно скучной, г) все вышеперечисленное сразу.

– Эй, место свободно?

Я подняла голову и увидела в проходе Райана.

– Запаролено.

– Пищик.

– К вашим услугам.

«Пищик» было одним из слов нашего «лексикона для внутреннего употребления», как выражалась Нина. Нина – моя лучшая подруга, у нее степень по общественным наукам, отсюда и манера изъясняться. Благодаря ей и Райану последние пару лет я общалась практически с одними аспирантами, что, надо сказать, слегка пугает, если сама ты никогда не

училась в «приличном университете».

Райан с трудом запихнул свою громоздкую куртку в маленькое багажное отделение над головой и сел.

– Я только что говорил с парой, прилетевшей аж из Таиланда. Дочку навещают. Похоже, тут полно народа из Таиланда.

– Ага, сотни две. Примерно десять процентов населения, – сказала я.

– Ты уже изучила вопрос.

Я кивнула.

– Ты же знаешь, как меня возбуждает, когда ты это делаешь.

Голова у меня полна обрывков бесполезной информации. В разных викторинах я сильна – хотя ищу информацию во все не для викторин. Мне нравится весомость фактов, глубокое удовлетворение, которое испытываешь, вспомнив что-то, прочитанное много лет назад. Особенно учитывая, сколько всего я накрепко позабыла.

Динамики автобуса затрещали, и водитель поднялся с места. Он был похож на Санта-Клауса в стиле хеви-метал.

– Добро пожаловать в Лонгйир, самый северный город в мире, расположенный на острове Шпицберген. Надеюсь, вы любите темноту и холод, потому что и того и другого тут вдосталь. И, разумеется, белых медведей. Ни за что не выходите за пределы города без вооруженного сопровождения. А теперь, пожалуйста, пристегните ремни и не расстегивайте их

все время поездки.

Автобус медленно покати́л от аэропорта.

– Я спрошу, можно ли тебе посещать университетские тренировки по стрельбе, – сказал Райан.

– Не стоит... меня сама мысль стрелять из ружья пугает.

– Ну да, но из города без ружья выходить запрещено.

– Вряд ли я отправлюсь куда-то во льды сама по себе посреди зимы, – резонно указала я. – И вообще, меня будешь защищать ты.

– Ну разумеется. Слушай, а я тебе рассказывал, что папа брал меня маленького с собой на охоту?

– Не-а.

– А он брал. На оленей, уток, опоссумов... Кто подвернется. На природе он чувствовал себя в своей стихии. Только там я и видел его хотя бы приблизительно счастливым.

– Мой папа был больше по части походов в кино с попкорном.

– Оно и видно.

В голосе Райана звучала тоскливая нотка. Его папа ушел из семьи, когда ему было тринадцать, бросил их с мамой и братом. Мы оба росли в семье с одним родителем – именно это, среди всего прочего, нас изначально и сблизило.

Встретились мы так: я работала в университетском отделе по трудоустройству и карьере (ирония судьбы, учитывая, с каким треском я провалила собственную карьеру), а Райан был самым симпатичным из горстки аспирантов, пришед-

ших послушать мой доклад о том, как сохранить оптимальный баланс между работой и личной жизнью во время написания диссертации. Помню, я еще подумала: тоскливо, наверное, живется этим аспирантам, раз они все так хохочут над моими шутками и дурацкими иллюстрациями из мультиков.

Через неделю он записался на индивидуальную консультацию. После этого я так и продолжала периодически с ним где-нибудь сталкиваться. То во время вылазки за кофе. То за ланчем. Потом в студенческом баре, куда мы с Ниной экспромтом заглянули после работы выпить джина с тоником. Он присоединился к нам, и вечер закончился чрезмерно пылким поцелуем с привкусом джина.

Признаю – не самая волнующая история знакомства, особенно по сравнению с моими родителями. Они встретились, когда папа работал в Индии. Он совершенно потерял голову из-за мамы и рассорился со своей консервативной (то есть расистской) семьей, чтобы остаться там с ней. Мамино семейство тоже было не в восторге – он их много месяцев уламывал. Но хотя роман моих родителей и звучит сюжетом для кино, меня совершенно устраивали мои лишенные драматизма отношения.

В те дни было чертовски сложно вообще кого-нибудь найти, а новомодные приложения для поиска партнера, по ощущениям, все только усложняли. Дело в том, что у мужчин появилась иллюзия бесконечного выбора. Мне казалось, они

вечно оборачиваются через плечо – не подвернется ли кандидатура получше. А вот свидания с Райаном тяжким трудом никогда не ощущались, а поскольку он переехал в Англию из Новой Зеландии, я стала его консультантом по всему британскому (по типу «Что такое „жаба в норке“, черт возьми?» или «Почему у вас всех такой пунктик, кто в какую школу ходил?»). Приятная перемена после простодушных белых мальчиков, жаждущих узнать побольше о моей «родной культуре». Тьфу!

– Как-то ты притихла. Все в порядке? – спросил Райан.

– Как раз о тебе и думала.

– Как мило. Рада, что мы съезжаемся?

– Еще бы.

– Жаль, что мы в квартире не одни будем. Но глупо было бы отказаться от жилья, спонсируемого университетом. Не думаю, что тут очень уж много других вариантов.

– Не переживай. Спать же мы будем не в общей спальне.

– А вот в сауну, может, придется вместе ходить. Она там в подвале.

– А что, туда надо ходить прямо голыми?

– Бог весть. Пошлю тебя первой проверить.

– Все потом кошмаров не оберутся.

– Детка! Ты же знаешь, я не люблю, когда ты так о себе отзываешься. У тебя роскошная фигура.

– Гм.

Ростом я пять футов три дюйма, а по форме напоминаю

грушу. Райану моя задница нравилась, но покупка брюк для меня всегда была кошмаром: задний край оттопыривается, а в бедрах узко. Сам Райан в подростковые годы был пухловат, но в двадцать с небольшим потерял лишний вес и превратился почти в качка. Единственным напоминанием о прежней пухлости остались лишь растяжки на животе и ягодицах – и он никак не понимал, отчего я их так любила.

– Сейчас толком не разглядеть, темно, но вот тот голубоватый огонек слева отмечает расположение всемирного семеновохранилища, – объявил водитель по громкой связи. – Со всего света туда присылают семена, чтобы уберечь от природных и гуманитарных катастроф.

Я прижалась лбом к стеклу и вгляделась в темноту. Но только и увидела, что мерцающий голубой огонек вдалеке.

– Печально как, что нам вообще нужны такие штуки, да? – спросил Райан.

– Ага.

Это у нас тоже было общим – ощущение, что мы живем в антиутопии. Мы часто говорили, что надо что-нибудь делать по этому поводу, но, несмотря на все наши благие намерения, от мяса пока так и не отказались.

Мы въехали в город. Я разглядела освещенные прожекторами здания. Никаких дорог между ними не было – лишь снежная целина, расчерченная чернильно-черными тенями, да высокие снежные заносы у стен. До меня вдруг дошло, что толком мы города не увидим до марта, когда над горизонтом

снова покажется солнце, знаменующее конец полярной зимы. А вот теперь и в самом деле антиутопия. Хорошо еще, жить нам предстоит не в продуваемой сквозняками хижине среди мглы и льдов. Нас поселят в квартире с двумя другими научными сотрудниками. Я видела фотографии, на них все выглядело вполне удобно, хоть и немного казенно. Не беда, легко исправить цветным постельным бельем и постерами, которые я привезла с собой. А на кухне я расставлю аккуратными рядами баночки специй – и буду готовить, пока стекла не запотеют. Как бы темно ни было снаружи, внутри нам будет уютно как дома.

3

Пока мы пробирались по сугробам вслед за нашим новым соседом Бьорном, пригласившим нас в паб, я крепко цеплялась за руку Райана. Обычно я к нему не липла, но очень уж не хотелось в первый же вечер кувырнуться кормой вверх и опозориться перед всеми. У нас в Норвиче это стало бы совершенно ненапряжной прогулкой, но при минус двадцати по Цельсию поход куда бы то ни было ощущался для меня эпической миссией. Я натянула поверх всего теплый комбинезон и даже балаклаву надела, уверенная, что, если попробую ее снять, тут же обморожу лицо. Хотя Бьорн, как я заметила, свою балаклаву закатал наверх, чтобы удобнее было разговаривать. Похоже, тестостерон придает морозоустойчивости.

– Это вот наша главная улица, – сообщил он.

Улица тонула под несколькими футами снега, и понять, что она и правда тут, помогали только торчащие из сугробов фонари и два параллельных ряда темных витрин. В одной из них за стеклом маячила огромная белая фигура.

– Ой! – Я вцепилась в руку Райана и второй рукой.

Он подпрыгнул.

– Не дрейфь. Это чучело, – сказал Бьорн.

Я посмотрела в незрячие блестящие глаза белого медведя.

– Ничего себе способ завлечь людей в магазин – выставить

в витрине главного местного хищника.

Райан засмеялся.

Мы миновали женщину, выгуливающую двух хаски, потом пару поджарых мужчин в лайкре, кативших посреди улицы на лыжах, словно ничего легче в мире не бывает.

– Непременно надо раздобыть лыжи, – сказал мне Райан.

– Моя двоюродная сестра, Астрид, продает старую пару, – сказал Бьорн. – Можете у нее спросить, она будет в пабе.

Я страшно неспортивна, но, может, лыжи – совсем другое дело? Мне нравилась идея легко скользить по снежной глади. Выглядит куда достойнее, чем брести, проваливаясь в сугробы.

Мы добрались до паба и вслед за Бьорном вошли в маленькую прихожую, вдоль стен которой выстроились уличные сапоги и ботинки. От сырой одежды в воздухе висел резкий запах мокрой псины. Бьорн вытащил из кармана куртки тапочки с флисовой подкладкой.

– Тут есть некоторое количество запасных пластиковых. Внутри в уличной обуви не заходят.

Я отыскала кроксы своего размера и стянула ботинки и комбинезон. После мучительных раздумий, что носить в бар в Арктике, я остановилась на алом платье-свитере и массивных золотых сережках. Но едва вошла, сразу же поняла, как опростоволосилась. Все остальные женщины были в лыжных штанах и флисах или толстых шерстяных свитерах. Не будь снаружи так, гм, арктически, я бы торопливо метнулась до-

мой, чтобы надеть что-нибудь менее парадное.

– Джин с тоником? – спросил Райан.

– Да, пожалуйста.

– Не переживай, выглядишь просто отпадно.

Райан обладал сверхъестественным чутьем на моменты, когда я начинала из-за чего-нибудь паниковать. То ли так, то ли я а) была суперпредсказуема, б) непрерывно впадала из-за чего-нибудь в панику.

Он пробился к стойке, вдоль которой выстроился ряд подсвеченных сзади бутылок. Я осмотрелась, выискивая, куда бы сесть. Полукабинки, освещенные свисающими с потолка лампами, контрастная черно-белая роспись на стенах. Мир так глобализован, что большинство подобных мест могут находиться где угодно – и этот паб не был исключением. Возможно, именно поэтому все тут сидели в верхней одежде, а мужчины поголовно были еще и небритыми – в доказательство, что они и в самом деле находятся в дикой глуши, даже если и потягивают виски тройной перегонки и пинты «Амстела».

– А вот и Астрид, – сказал Бьорн.

Я посмотрела в ту сторону, куда он показывал, и увидела дружелюбную с виду женщину в вязаном свитере, с неряшливым хвостом песчано-русых волос. Она разговаривала с мужчиной, более чем успешно достигшим того облика бывалого полярника, к которому, похоже стремилась вся местная молодежь. Он сидел с компанией за соседним столом и, раз-

говаривая с Астрид, что-то вязал. Заметив Бьорна, Астрид прервала разговор и помахала нам.

– Это мои новые соседи, Майя и Райан, – сообщил ей Бьорн.

– Привет, – сказала она, подвигаясь, чтобы освободить нам место. – Только приехали? Откуда вы?

– Да, приехали только что. Мы из Лондона, – ответил Райан.

– А акцент вроде бы не британский. Австралийский?

– Почти. Я из Новой Зеландии.

– Ой, простите.

Райан пожал плечами:

– Ничего страшного.

– А вы, Майя? Тоже родом из Новой Зеландии?

– Не, я выросла в Англии.

– Первые семь лет она жила в Индии, – сообщил Райан.

– Про Индию я почти ничего не знаю. Кроме того, что там очень жарко, почему я там никогда и не была, – сказала Астрид.

– Честно говоря, я и сама о ней не то чтобы много знаю. Как там жила – и то почти не помню. Наверное, слишком мала была, – призналась я.

– Что, правда? А вот мои первые воспоминания – как я в два года надул прямо в комбинезон, потому что молнию заело, – сказал Бьорн.

– Спасибо за откровенность. – Астрид легонько стукнула

его по плечу.

Я неуютно поежилась под их вопросительными взглядами. Я и в лучшие-то времена не любила оказываться в центре внимания. Бьорн с Астрид были не первыми, кого удивляло, что я не помню детства, но психолог заверил меня, что для иммигрантов совершенно нормально забывать прошлое из-за стресса от переезда в другую страну. У него даже нашелся занятный термин на этот счет – диссоциативная амнезия.

– А вы, Астрид, чем тут занимаетесь? – спросил Райан, бросаясь мне на выручку.

– Катаю туристов на собачьих упряжках.

– Она работала в финансовой корпорации в Осло, – добавил Бьорн. – Я всегда на нее наезжал, что она продалась неведомо кому, а она просто копила на то, чтобы открыть свое дело и заниматься, чем хочется.

– Ух ты, потрясающе, – сказал Райан.

– Если вам интересно, могу взять вас прокатиться. Сейчас у меня затишье.

– Мы бы с радостью, правда, Майя?

– Абсолютно, – согласилась я. Катание на собачьей упряжке входило в список всего того, что мне не терпелось попробовать.

– А сами вы кто? Что тут делаете? – спросила Астрид.

– Работаю в том же проекте по изучению белых медведей, что и Бьорн, – ответил Райан и с жаром пустился в разъяснения.

– А вы, Майя? – спросила Астрид, когда ей наконец удалось вставить слово.

– Я работала в отделе трудоустройства в университете, но тут, боюсь, найти что-нибудь в том же роде затруднительно.

– Майя подумывает податьсь в повара, – сообщил Райан.

– Ну-у, может быть.

– Она великолепно готовит. Ходила в кулинарный колледж и может приготовить что угодно: хоть суфле, хоть буйабес, хоть дим-самы.

– Вот это да. Я даже не знаю, что это такое, – потрясенно проговорила Астрид.

Райан произнес «бульабез», но я не стала его поправлять. Он потянулся под столом взять меня за руку, но я выдернула ее и поднялась.

– Выйду покурить.

Я опрометью кинулась к куртке. Я знала, что Райан теперь наверняка стыдится за мою резкость, а может, даже слегка задет. Он всегда призывал меня не тушеваться в компаниях, но мне было просто необходимо выйти из этого разговора. Я уже год принимала таблетки от тревожности и несколько месяцев продержалась относительно стабильно, но при одной мысли о возвращении в профессию у меня начались спазмы в желудке.

Мороз на улице стоял такой, что я пошатнулась. О том, чтобы снимать перчатки, и речи идти не могло, так что разжигала сигарету я целую вечность. Но в конце концов спра-

вилась и встала у стеночки, глядя, как снежинки выются и роятся в свете ближайшего фонаря. Курение было для меня единственным железным предлогом удрать с какого-нибудь социального мероприятия и немного передохнуть. А значит, оно входило в мой арсенал приемов избегающего поведения – проще говоря, уменьшало мою тревожность в краткосрочном плане, убирая меня из социально-стрессовой ситуации, но в долгосрочном плане формировало поведенческий паттерн уклонения, не позволявший мне взглянуть своим страхам в лицо, а заодно сформировало и привычку, избавиться от которой мне не удавалось.

Я заранее знала все, что скажет мне потом Райан. Что я не должна позволять тревожности становиться на пути моих желаний. Что иногда приходится как следует потрудиться, чтобы попасть туда, куда тебе надо. И по обоим пунктам он будет прав, но он просто никогда не сталкивался с токсичной обстановкой на иных профессиональных кухнях. Всякий раз, если я вдруг начинала грызть себя за то, что отказалась от мечты стать поваром, я напоминала себе, почему бросила это дело.

Причины, по которым я отказалась от профессиональной кулинарии

*– Длинные смены и постоянная работа по вечерам
и выходным.*

– Перестаешь любить еду. Попробуй приготовить за неделю сотню куриных котлеток по-киевски, и ты скоро смотреть на них не сможешь.

– Мой кошмарный босс, Крейг. Такой урод! Ты битый час возишься, готовишь соус. А он пробует и выливает все в раковину только потому, что соли маловато или консистенция чуть-чуть жидковатая – словом, из-за чего-то легко поправимого.

– Быть единственной женщиной на кухне очень непросто. Постоянные шуточки про мои сиськи или задницу, а стоит мне дать отпор, сразу начинаются вопросы: у тебя что, критические дни?

– Расистский сушиф, Джек, вечно талдычивший, что важны все жизни, не только черные.

Неудивительно, что в совокупности это все вылилось в приступ тревожности, каких у меня в жизни еще, кажется, не случилось.

Уволившись, я совершенно сорвалась. Вернулась в папин дом и провела там несколько месяцев – преимущественно в постели, питаюсь томатным супом, медовыми «Чириосами» и чоу мейном со свининой. Я решила найти какую-нибудь стабильную сферу деятельности, в которую можно не слишком вовлекаться эмоционально, и остановилась на работе с кадрами. Когда Нина перебралась в Норвич, там как раз открылась начальная позиция, так что мы стали снимать квартиру вместе. Ко времени нашего с Райаном знакомства мы с ней прожили там уже восемнадцать месяцев и успели обзаве-

стись веселой компанией. Рабочий день у меня заканчивался в пять, что оставляло мне полно времени готовить на всех навороченные ужины, отчего создавалось не вполне верное впечатление, будто я душа и сердце общества. Бедный Райан. В первые дни знакомства он говорил, что я «такая беззаботная». Такое уж дело – начало отношений. Сперва все на себя не похоже. Стараешься проявлять себя с лучшей стороны, а сама гадаешь, долго ли удастся сохранить самое неприглядное под замком.

За спиной у меня открылась дверь, и на улицу вышел тот обветренный полярник с вязаньем. Он вытащил из кармана сигарету и блаженно вздохнул. А потом посмотрел на меня.

– Привет, – сказала я.

Он кивнул в ответ. А потом откашлялся.

– Слышал там внутри, вы ищете работу на кухне?

– Не на полный день, – настороженно ответила я.

– Мне и надо не на полный.

– И я уже разучилась на самом деле.

– Но приготовить суфле, буйабес и дим-самы способны, – заметил он, причем с безупречным произношением.

Хорошо, было слишком холодно, чтобы краснеть.

– Наверное, я... я просто... выжидаю пока. Пока устроюсь. Осмотрюсь по сторонам.

– У меня турбаза за городом. Мы проводим курсы выживания в полярных условиях и однодневные походы. Эти бедолаги весь день барахтаются в снегу. Потом им нужен горя-

чий ужин. Что-нибудь простое, рагу там или суп.

– О, то есть готовить буду я одна?

– Да.

– А какой рабочий день?

– Где-нибудь с трех до пяти? Вы будете готовить ужин и суп, который мы можем разогреть на следующий день на ланч.

Расписание звучало очень разумно, особенно учитывая, что прежде мои смены регулярно заканчивались в два-три ночи.

– Возможно, меня бы это заинтересовало, – осторожно произнесла я.

– На этой неделе я занят, да и вы хотите сперва обосноваться толком. Но почему бы вам не послать мне в ближайшем будущем имейл, и мы договоримся, когда устроить пробный день?

– Хорошо.

– Вот моя карточка.

На ней было написано: «Миккель Олафссон: проводник и специалист по выживанию». А снизу номер телефона. Спрятав визитку в карман, я смотрела, как он шагает вдаль по улице. Может, как раз что-нибудь в таком роде я и присматривала. Возможность заниматься готовкой профессионально, не страдая при этом от унижений в коллективе. Я потушила сигарету и пошла внутрь – рассказать Райану.

Когда Райан поцеловал меня перед уходом, за оконными стеклами еще колыхалась тьма. Я перевернулась на другой бок и снова заснула, а когда лениво выплыла из забытья через несколько часов, чувствовала себя одурманенной. Было уже одиннадцать. Собирая информацию перед поездкой, я узнала, что полярная ночь нередко нарушает циркадные ритмы, и пока что в среднем спала больше двенадцати часов за ночь, что, на мой взгляд, было само по себе даже и неплохо.

Я вылезла из кровати, неторопливо позавтракала и еще более неторопливо приняла душ. А после этого обнаружила сообщение от папы с вопросом, есть ли у меня время поговорить с ним по видеосвязи. Он ответил на мой звонок из кухни, совершенно не изменившейся за двадцать лет. На стенах все еще висели мои детские рисунки, выцветшие от солнца и завернувшиеся по углам от времени.

– Привет, солнышко. Ну как, уже устроилась на новом месте?

– Ага. Очень милая квартира. Мы ее делим с двумя соседями, хотя один сейчас где-то на выезде.

– Хорошо. А погода как?

– Холодно! До того холодно, ты не представляешь.

– В прошлом году я по работе ездил в Санкт-Петербург. Зимой. Мороз стоял лютый. Я из отеля и носа не высовывал.

Примерно в то же время, как я переехала в Норвич, папе предложили работу со множеством командировок. И хотя мне очень его не хватало, но у него и вправду началась совершенно новая жизнь.

– А следующая поездка когда? – спросила я.

– На самом деле я именно об этом и хотел с тобой поговорить.

– Тогда давай.

Он откашлялся и медленно произнес:

– Я тут собираюсь переехать.

– Переехать? Наконец воплощаешь мечту о домике в деревне?

– Не совсем. Собираюсь пока перебраться в Индию.

В груди у меня возникло такое странное, тянущее ощущение, как будто вода утягивается в слив.

– А куда именно в Индии? – Голос у меня звучал куда сдавленнее, чем мне бы хотелось.

– Бангалор. Примерно в десяти минутах от квартиры, где ты росла.

Ни папа, ни я так больше никогда и не были в Бангалоре. Я думала, что тамошние улицы и дома содержат слишком много болезненных для него воспоминаний. Что ж, похоже, за двадцать лет они успели поблекнуть.

– Понимаешь, я тут кое с кем встречаюсь...

– Пап, как здорово!

Он ведь оставался одиноким уже целую вечность – во вся-

ком случае, меня никогда ни с кем не знакомил. Один раз он признался, каким пустым кажется дом теперь, когда меня там нет, и я всегда надеялась, что он найдет, с кем жить в этом доме вместе.

– Она из Индии? – спросила я.

Он кивнул.

– Ну ладно, колись давай. Как ты с ней познакомился? И когда?

– Тебе, наверное, покажется странным, но помнишь Уму?

– Которая мне присылает открытки на день рождения?

– Ага. Она была нашей хорошей знакомой. Но ее муж, Рам, мне никогда не нравился. Он умер лет семь назад. Она принялась налаживать собственный бизнес и написала мне, чтобы посоветоваться, так вот мы и начали общаться. Постепенно возобновили дружбу, а потом наше общение приняло более... романтический характер.

Он смотрел на меня почти испуганно, словно боялся, что я с места в карьер закачусь в истерику. Но, на его счастье, я уже выросла из скандальных подростков. Однако вопросы у меня появились.

– И давно у вас эта романтика?

– Мы несколько раз встречались. Когда меня по работе посылали в Таиланд и Гонконг. Было здорово. Но чтобы из этого вышло что-то настоящее, нам надо жить в одной стране.

Меня слегка задело, что папа никогда прежде не упоми-

нал эту таинственную особу, но я не стала ничего говорить. Наверное, не хотел рассказывать, пока не станет ясно, куда это все ведет.

– Я правда очень за тебя рада, – только и сказала я. – Пожалуй, немножко странновато, что это мамина подруга, но, в конце-то концов, двадцать лет прошло.

– Я собирался все тебе рассказать на нашем прощальном ужине. Честно планировал. Но ты так нервничала из-за поездки, что я решил не грузить тебя еще и этим. Прости, если теперь вышло слишком резко и неожиданно.

– Не переживай, все в порядке. И надолго ты туда собираешься?

– Не знаю еще. Правда, дом пока собираюсь сдавать. Контракт на двенадцать месяцев... для начала.

Смотреть мне в глаза он не мог.

– Но у меня все вещи там остались, в моей комнате.

– Не волнуйся. Я нашел поблизости вполне приличный склад для хранения. Как знать, может, к твоему приезду из Арктики я уже все испорчу, вернусь домой и распакую вещи обратно.

– Папа! Где твой боевой настрой! Какая она вообще, эта твоя Ума?

– Очень независимая, творческая. Любит читать и готовить. Очень привлекательная, во всяком случае на мой взгляд. Я, как принято говорить, слишком высоко мечу.

– Ну вот уверена, что это не так.

– Уж как есть. И хватит обо мне. Расскажи лучше про Арктику. Ты там тепло одеваешься?

Через пятнадцать минут я повесила трубку. Конечно, за папу я очень радовалась, но вообще новости меня ошеломили. На моей памяти папа никогда не совершал ничего настолько спонтанного. Дом в Кройдоне был для него как вторая кожа, я и представить его не могла где-нибудь еще. Интересно, сложится ли там у него. Пусть сложится, он это заслужил, но я не очень-то понимала, что испытываю от перспективы поехать к нему в Индию. Мои мысли понеслись во весь опор, рисуя самые разнообразные сценарии развития событий: что я никогда не увижу папу, потому что побоюсь даже сесть в самолет, что его собьет насмерть машина, как маму, что я поеду туда и все будут презирать меня за британский акцент. На языке психотерапевтов такой стиль мышления называется «катастрофизацией» и считается «контрпродуктивным».

Пожалуй, пора пойти и подышать (предельно) свежим воздухом. Чуть дальше по улице стоит музей, в котором я еще не успела побывать, – это меня отвлечет.

*Все, что я надеваю на себя, чтобы
выйти из дому в Свальбарде*

– *Нижнее белье*

- Носки (три пары)
- Термोजилет
- Рейтузы
- Шерстяное термобелье
- Уличные штаны
- Флиски
- Лыжная куртка
- Балаклава
- Шапка
- Перчатки (две пары)
- Лыжные ботинки на меху

Всегда обожала составлять списки. Они придают тебе целеустремленности, разбивают задачу на посильные шаги. Способ упорядочить хаос.

В одетом виде я стала громоздкой и неповоротливой, как рекламный мистер Мишлен. Но стоило выйти наружу – холод в два счета пронзил все слои. Я заторопилась мимо студенческого квартала, темных зданий, в которых светились лишь отдельные окна. Там – мужчина ссутулился над ноутбуком в спальне, лицо омыто голубоватым светом экрана. Тут – женщина возле плиты на кухне, оконное стекло запотело и размывает очертания, придавая ей сходство с призраком.

Я дошла до конца нашего проезда. В стороне от уличных фонарей стало видно, что тьма кругом вовсе не такая уж и сплошная – небо было темно-кобальтовой синевы, вдалеке проступали слабые силуэты гор. Пройдут месяцы, прежде

чем я смогу как следует разглядеть, что вокруг. Я посмотрела в другую сторону. Там и сям виднелись очертания зданий, залитые светом двери и груды снега. Дорог между ними видно не было, так что все казалось обособленным, разобщенным.

Подойдя поближе к университету, я увидела указатель к музею Свальбарда. У меня настоящая музеезависимость в острой форме. Обожаю некачественно выделанные чучела с жутковатыми стеклянными глазами. Муляжи «древних» людей с облупившейся краской на лицах. Стеклянные витрины с обломками неведомых предметов. И, само собой, музеи битком набиты фактами.

Дверь музея открылась в гардеробную. Руки у меня заledenели и не шевелились – пройдет несколько минут, прежде чем они оттают настолько, чтобы я могла хотя бы шнурки развязать. Так что я немного посидела просто так, приходя в себя. С меня капало на пол. Потом – неловкий танец вылезания из многочисленных слоев одежды.

Следующий час я неторопливо впитывала всевозможные факты о Свальбарде. Архипелаг открыт в 1596 году Виллемом Баренцем, но поначалу селиться там никто не стал – слишком холодно и далеко. Во всяком случае, для людей – животных-то здесь водилось в изобилии. Сперва сюда приезжали китобои. Вытаскивали туши на берег и разделявали, добывая ворвань, китовый жир и китовый ус на корсеты. А

истребив китов, потянулись за белыми медведями и песцами, которых убивали ради меха. Первой женщиной-траппером, добравшейся до Свальбарда, была Ванни Волстад, водительница такси из Тромсё. Она четыре или пять раз оставалась зимовать на острове – головокружительное безрассудство. Я и представить не могла, как провести тут зиму в продуваемой сквозняками избушке без электричества и водопровода.

Отдельный зал был посвящен исследованиям Арктики, поскольку любым парням, искавшим Северо-Западный проход или Северный полюс, приходилось ехать через архипелаг. Как правило, они терпели неудачу: или пропадали без вести, или погибали. Но даже и в этом случае их считали героями, хотя единственным врагом, с которым им приходилось сражаться, была стихия. Уж верно, Северный полюс с виду ничем не отличается от тысяч миль ледяной пустыни вокруг? Но белым мужикам нейдет повсюду понавтыкать флагов.

Я ушла из музея, когда туда явилась большая группа пожилых американских туристов. Глядя, как они толпой втекают в вестибюль, фотографируя чучела белых медведей и морских птиц, подвешенных к потолку, я гадала, переворачивается ли в могиле исследователь Арктики Джон Франклин.

Снаружи валил густой снег. Когда в Великобритании идет снег, все звонят на работу и врут, что у них не расчистили

улицы или не завелась машина. В январе мы с Ниной по поводу снега взяли отгулы и пошли с парой подруг кататься на санках, а потом много часов просидели в любимом пабе перед камином, накачиваясь глинтвейном. Но тут снег совершенно другой. Опускавшиеся мне на лицо снежинки прямо обжигали – до того были холодными. Совершенно не верилось, что когда-нибудь я к этому привыкну... а ведь станет еще холоднее и темнее.

Я вспомнила квартиру, в которой мы с Ниной жили в Норвиче, дивный кофейный столик из розового дерева, подаренный нам ее родителями, и кресло из «Икеи», предмет нашего вечного соперничества. Садик во дворе с цветочными горшками и барбекюшницей, купленной нами на «Гамтри»¹ по дешевке. Длинные летние вечера, проведенные в этом дворике за бутылкой дешевого белого вина и болтовней о всякой ерунде. Однако теперь там живет кто-то другой. Скоро и в доме моего детства поселится кто-то другой, а папа уедет за тысячи миль.

А я теперь жила на населенном белыми медведями далеком острове, где температура стремительно опускалась к минус тридцати. Сколько мне потребуется времени, чтобы почувствовать себя здесь как дома?

¹ Британский сайт объявлений.

5

По мере того как мы ехали прочь от Лонгйира, во мне словно что-то разжималось. За все проведенное здесь время я еще ни разу не удалялась настолько от нашего жилья.

– Спасибо, что взяли нас покататься на санях, – сказала я сидевшей за рулем Астрид.

– Да, да, спасибо, – эхом отозвался Райан с сиденья у меня за спиной.

Астрид везла нас в микроавтобусе к своему лагерю вместе с купившей тур американской семьей: супружеской четой и детьми-подростками. Астрид настояла, чтобы я села рядом с ней. Очень мило с ее стороны, но я с первой минуты лихорадочно шарила в голове, что бы такого сказать.

– Миккель о тебе спрашивал, – сказала она.

– Какой Миккель? – вмешался Райан.

– Я тебе о нем говорила – он спрашивал, не интересуется ли меня место повара.

– И ты ему ничего не написала?

– Нет. Еще напишу, хорошо? – спросила я куда резче, чем хотела.

С тех пор как мы с Райаном съехались, я заметила, как ему нравится давать советы. Он уже успел объяснить мне, как правильно мыть посуду, как бросить курить и как готовить более здоровые перекусы.

– Он хороший, – сказала Астрид. – Куда дружелюбнее, чем кажется с виду.

Она свернула с дороги к группке деревянных домиков, залитых светом прожекторов.

– Прости, что нарычала, – прошептала я Райану, когда мы все вылезли из автобуса.

– Все в порядке, Пищик, не переживай. Идем, Астрид что-то рассказывает.

Мы присоединились к американским туристам.

– Добро пожаловать в «Приключения на Шпицбергене». Надеюсь, вам понравится наш сегодняшний тур на собачьих упряжках. Все в целом займет около двух с половиной часов, включая короткий инструктаж по технике безопасности и горячий шоколад у камина после поездки. Для начала давайте подберем вам всем, что надеть.

Пока мы шли за ней через двор, я посмотрела вверх. Огромная луна заливала все небо холодным свечением. Как странно видеть луну в середине дня. Я повернулась к Райану, чтобы спросить, как так получается, но он уже ушел вперед. Я заторопилась вдогонку.

Астрид привела нас в небольшой домик. Одну стену занимала вешалка с комбинезонами, а вдоль остальных стояли скамейки и ящики с обувью. Астрид носила броский черно-красный комбинезон с эмблемой ее фирмы. Остальным выдали комбинезоны цвета хаки. В нем я стала похожа на капусту. Впрочем, если это не даст мне замерзнуть, то и пусть.

Лучи наших налобных фонариков дробились на неровных сугробах, очерчивали силуэты строений. Мы шли к саням. Я старалась не думать обо всем том, что таилось во тьме. Меня вдруг пронзило сочувствием к исследователям и первопроходцам минувших веков и десятилетий, что ежились в промозглых избушках, дожидаясь, пока свет вернется. Если хотите – к Райанам былого, отправившимся на поиски приключений. Только они не привозили с собой никаких подруг.

Собак я услышала раньше, чем увидела, – их пронзительный высокий вой разрезал тьму. У снежного холма перед нами стояли будки, а снег пестрел зловонными ярко-желтыми пятнами мочи. Собаки рвались на цепях и были совсем не такими пушистенькими и миленькими, как я представляла. Астрид повела нас мимо них к веренице деревянных саней. Я подобралась поближе к Райану, а он взял меня за руку.

– На сани помещается по два человека, один погоняет, второй сидит впереди. Мои санки чуть побольше, там спереди могут усесться двое, так что, если кому-то не по себе, езжайте со мной.

Я покосилась на Райана, но он покачал головой и кивнул на американских супругов. Через несколько секунд они робко спросили, можно ли им ехать с Астрид.

– Конечно. Кто-нибудь хочет помочь мне с собаками?

– Давайте я, – сказал Райан.

– И я, – вызвалась девочка-подросток.

Они скрылись в темноте чуть дальше по склону, а мы,

остальные, остались дрожать тут.

– Надеюсь, мы не заблудимся, – сказал мальчик.

– Береги колена, Дональд, – напомнила американка мужу.

– Я же тебе говорил...

Пока они препирались, я отошла в сторонку и выключила фонарик. Лунный свет отражался от снега, придавая ему чуть зловещий синеватый оттенок. Вдалеке раскинулась равнина, окруженная тонущими в сиреневых тенях горами. В это время, около полудня, темнота становилась самую малость не такой темной и в ней проступали невнятные силуэты, снег казался чуть посветлее, а небо на горизонте бледнело. Навигационные сумерки, вот как это называлось – иллюзия на древнюю старину, когда моряки ориентировались по звездам. Со времени приезда в Арктику я узнала, что есть три разные степени сумерек: гражданские, навигационные и астрономические – и каждые темнее предыдущих.

Астрид, Райан и девочка вернулись вместе с еще одним гидом. Каждый держал за ошейник двух здоровенных хаски. Астрид опытной рукой запрягла своих собак в сани, рядом с которыми я стояла.

– Майя, знакомься, это Буран, а это Радар. Присмотри пока за ними.

Легче сказать, чем сделать! У меня на глазах они начали рычать друг на друга и щелкать зубами. Зачем ставить вместе псов, которые так явно друг друга терпеть не могут? Или они будут быстрее бежать из-за духа соревнования?

– Может, вам попробовать подружиться? – предложила я.

– Нервничаешь? – спросил Райан через несколько минут, когда всех собак запрягли в упряжки.

– Немножко, – призналась я.

– Не переживай, я буду погонять первым. Так ты успеешь слегка пообвыкнуться.

– Спасибо.

Мы присоединились к остальным.

– Управлять санями куда проще, чем кажется с виду, – сказала Астрид. – Особенно учитывая, что собаки знают дорогу. Надо помнить несколько важных вещей. Первое – держитесь за санки, а не то упадете. Второе – чтобы остановиться, нажмите вот этот металлический тормоз. Третье – если вы едете вверх по холму, погонщик может слезть с саней и бежать рядом, чтобы облегчить собакам ношу.

– А как поворачивать налево-направо? – спросил Райан.

– Собаки знают команды. Сейчас я скажу их тихо, но когда правите – кричите во все горло. «Хайк» – вперед. «Воу» – стоп. «Хау» – направо, а «гии» – налево. Но вам помнить хау и гии не обязательно: я поеду первой, так что ваши упряжки просто побегут за моей. Ну что, все готовы?

– Да! – с пылом отозвался Райан.

Я села в сани, а Райан встал у меня за спиной. Астрид убедилась, что американское семейство расселось, и заняла свое место.

– Хайк! – закричала она, и собаки рванули с места.

– Хайк! – завопил Райан вслед за ней.

К моему изумлению, рванув с места, собаки принялись обильно испражняться прямо на бегу. Я отшатнулась назад, чтобы не получить это все прямо в лицо. К счастью, через пару минут шквал экскрементов чуть поутих. При езде шлейки собак позвякивали – единственный звук, если не считать ветра, – а снег тихо мерцал в лунном свете. Наши санки даже отбрасывали что-то вроде намека на тень. Мы мчались по равнине. Казалось, мы перенеслись в совсем иное время и место, в другой мир, безмерно далекий от всех моих обычных занятий и развлечений вроде посиделок с Ниной за вином или тусовок с Райаном. Будь сейчас градусов на десять теплее, я была бы готова ехать так хоть много часов подряд. Однако очень скоро холод пробрался через все многочисленные слои моей одежды. А потом темная туча заволокла луну и повалил снег. Ветер швырял колючие снежинки мне в лицо. Все равно потрясающий опыт, твердо заявила я себе.

Наконец Астрид выкрикнула: «Воу», Райан повторил за ней, и мы остановились.

– Все в порядке? – прокричала Астрид.

– Д-д-да, – отозвался дрожащий голос у нас за спиной.

– Как самочувствие?

– Превосходно! – завопил Райан.

– Сейчас самое подходящее время, чтобы поменяться местами, – сказала Астрид.

– Хочешь махнуть? – спросил Райан.

– Угу, – пробормотала я.

Может, хоть согреюсь.

– Поставь ногу сюда на тормоз. Тогда я отпущу, – сказал Райан.

– А потом?

– А потом – правь. Не дрейфь, малыш, это просто.

Астрид поменялась местами с одним из своих пассажиров.

– Хайк! – закричал он.

Наши собаки рванули за ними, не успела я и команды подать. Нас швырнуло вперед, и я услышала, как Райан чертыхнулся.

– Прости, Пищик! – крикнула я ему.

Сперва я судорожно цеплялась за поручень, а сердце у меня бешено билось от страха, что что-то пойдет не так. Но, несмотря на мою полнейшую неопытность, собаки продолжали плавный бег по снегу. Скоро стало совершенно очевидно: они знают маршрут в мельчайших подробностях. Астрид была права. Куда легче, чем я предполагала. Я управляла собачьей упряжкой в страшенной Арктике – ну круто же!

Однако прелести этого занятия очень скоро поблекли, потому что в стоячем положении арктический ветер продувал куда сильнее. Сказать про него «холодный» – даже близко не описать. Чтобы передать, как себя чувствуешь при морозе ниже минус двадцати, нужно совершенно отдельное слово. Возможно, оно уже и придумано – на каком-нибудь незна-

КОМОМ мне языке.

Внезапно передние сани резко вильнули влево, а мои собаки за ними. Я потеряла равновесие. Рука у меня соскользнула с поручня. Несколько секунд отвратительного чувства полета – и я тяжело ударилась о заснеженную землю.

Бок пронзило острой болью, такой сильной, что из глаз хлынули слезы. Грудь сдавило железным обручем. Где санки? Неужели собаки умчались вперед без меня? Мне не хватало сил даже приподнять голову и проверить.

Зато мой мозг выбрал именно этот момент, чтобы напомнить: людям случалось умирать от переохлаждения и при более высоких температурах. Я закрыла глаза. Голова у меня словно качалась на волнах. А рядом, мимо меня, плыли прозрачные медузы, обжигая каждый кусочек обнаженной кожи у меня на лице крохотными колючими иголочками.

– Майя? Ты как?

Я открыла глаза. Надо мной стоял Райан. Он нагнулся и сгреб меня в охапку.

– Детка, ты вся дрожишь.

– Наверное, теперь лучше ты погоняй собак.

– Ничего страшного. Всегда лучше после падения сразу снова сесть в седло.

– Я не хочу в седло.

– Уверена? Уникальнейшая же возможность.

– Ничего, – пробормотала я, внезапно осознав, что все остальные тоже остановились и ждут нас.

– Давайте возвращаться в лагерь, – окликнула нас Астрид.

Мы снова заскользили сквозь тьму, казавшуюся еще гуще и унылей, чем прежде. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я наконец различила впереди огни лагеря. К этому моменту я практически превратилась в сосульку. Я кое-как спустилась с холма за остальными и (при помощи Райана) выпуталась из заледеневшего комбинезона.

Сидя перед огнем с чашкой горячего шоколада, я наконец почти согрелась, хотя все еще не отошла до конца от пережитого. К счастью, в Райане хватало энтузиазма на нас обоих.

– Я об этом столько лет мечтал! Потрясающе было, да?

– Мой дедушка держал собак, так что каждый раз, когда я его навещала, мы ехали покататься, – сказала Астрид. – В марте я собираюсь участвовать в гонке на санях на длинную дистанцию. Половина маршрута – пятьсот километров.

– Звучит впечатляюще. А сколько дней это займет? – спросил Райан.

Они двое погрузились в оживленное обсуждение. Астрид была этаким современной Ванни Волстад – совершенно в своей стихии при температуре ниже нуля, хоть с винтовкой в руках, хоть с упряжкой агрессивных псов. Нетрудно было представить, что когда-нибудь Райан, спортивный от природы (и, кажется, уже свыкшийся с холодом), станет таким, как она.

На обратной дороге Райан уселся впереди с Астрид. Я сидела у них за спиной, таращась в окно, в котором ничего не

было видно. Как бы мне хотелось, чтобы тут была Нина! Она бы и двух минут не продержалась бы, прежде чем потребовать, чтобы все возвратились в помещение. Она бы прихватила с собой фляжку, так что горячий шоколад мы пили бы с чем-нибудь покрепче.

– Ты как-то притихла, – заметил Райан, когда мы наконец снова были дома вдвоем и стягивали наши многослойные одежды в тесной спальне.

– Да. Ну так.

– Что стряслось?

– Ничего.

Он легонько приподнял пальцем мой подбородок и заглянул мне в глаза.

– А по-моему, все-таки что-то стряслось. Стесняешься, что выпала из саней?

Я покачала головой. Глаза у меня вдруг защипало.

– Совершенно нечего стесняться. С каждым могло случиться. Вот взялась бы погонять снова, сейчас чувствовала бы себя совершенно иначе.

– Все тут такие спортивные. Когда Астрид или Бьорн заводят разговор о лыжах или ночевках во льду, меня это все совершенно не восхищает, а скорее пугает.

– Малыш, не переживай. Тут нужно время. Просто не теряй терпения и веры в себя.

Я вытерла глаза тыльной стороной руки.

– Ну же, ну не плачь. – Он притянул меня к себе и обнял. –

Ты совершенно не должна делать ничего, что не хочешь. Может, пока заняться тем, что ты любишь? Ты с самого приезда почти не готовила.

– Еда тут такая дорогая, а я ничего не зарабатываю, – проворчала я, уткнувшись ему в плечо.

– Ну и неважно. Жилье нам компенсируют, и что-то непохоже, чтоб нам тут было на что еще тратить деньги.

– Я тебя не заслуживаю.

– Не говори глупостей. – Райан разжал руки. – Ты милая, и веселая, и красивая, и очень-очень талантливая. Просто неудачно упала, вот и расстроилась. А теперь давай ты пока погреешься в душе, а я схожу и принесу нам пиццу и плитку шоколада побольше.

– Ой, правда?

– Ну конечно.

Он снова влез в уличную одежду и поцеловал меня на прощание. Господи, как мне с ним повезло. Я разделась и отправилась в душ. На бедре у меня уже образовался здоровенный синяк. Да, было больно – и от падения, и от стыда, – но все уже прошло. Я сделала воду погорячее и постаралась не думать о произошедшем.

6

В кухне было так тепло, что тесто подошло быстро. Хлеб уже пекся в духовке, по квартире разливался теплый дрожжевой дух.

– Порезать лук и чеснок? – спросил Райан.

– Да, пожалуйста.

Я включила свой плейлист для готовки – всякая всячина типа Отиса Реддинга, Ареты Франклин и Соланж – и, мурлыча под нос, шинковала морковь и сельдерей. Подойдя, чтобы отдать мне нарезанные овощи, Райан ласково ущипнул меня за попу.

– Что теперь?

– Можешь почистить и нарезать пару картошек?

– Конечно.

Я бережно обжарила лук с рыбными головами и костями, оставшимися со вчерашнего ужина. Когда я налила в сковороду кипятка, вода зашипела. Теперь приправы: щепотка соли, пара лавровых листьев и пучок пряных трав, которые я вырастила сама и привезла с собой из Норвича.

– Пора класть картошку?

– Нет, бульон должен сперва настояться. Потом я его процежу и добавлю овощи, а еще потом соленую треску, креветки и сливки.

– Звучит божественно, – заметил Райан.

Кухню заполнили знакомые начальные аккорды «Say a Little Prayer» Ареты Франклин. Райан схватил половник и поднес его к лицу, как микрофон, немелодично подвывая и хлопая ресницами. Я засмеялась.

Он отложил половник и, продолжая петь, сгреб меня в объятия. Мы неуклюже потоптались в танце и только начали целоваться, как дверь кухни отворилась.

– Простите, что помешал, голубки, – сказал Бьорн.

С ним была Астрид. Она старалась не встречаться со мной взглядом. Может, подумала я, ее смущают публичные проявления чувств?

– Все в порядке. – Райан отстранился от меня. – А вы чем сегодня занимаетесь?

– Готовимся к лыжному марафону, – сказал Бьорн.

– Отличный план.

– Идемте с нами, – позвала Астрид.

– У нас еще лыж нет.

– Я как раз продаю две пары. Можете попробовать – они у меня в квартире.

– Да ничего, мы вообще-то готовим... – начала я, но ровно в ту же секунду Райан ответил:

– Было бы здорово...

Мы оба осеклись и переглянулись. Вообще-то предполагалось, что сегодняшней день мы проведем только вдвоем, мы уже много общались с Бьорном и Астрид на неделе. Но мне не хотелось выступать в роли требовательной капризули.

– Тогда я останусь и присмотрю за едой, – сказала я.

– Да ладно, я тоже охотно останусь.

– Нет-нет, иди. Все равно я хочу поговорить с папой. А это суп – он не испортится.

Райан поцеловал меня.

– Детка, ты просто чудо. Я ненадолго, честное слово.

Когда они ушли, я задумалась, не считают ли Бьорн и Астрид меня неженкой, раз я осталась дома. Но мысль о том, чтобы провести на улице хоть сколько-то продолжительное время, меня откровенно не радовала, а для катания на лыжах требуется куда больше атлетических способностей, чем для езды на собаках. Астрид и Бьорн очень дружелюбно отнеслись к нам обоим, но с Райаном у них было куда больше общего, чем со мной. Где в этом городе женщины, которым нравится готовить затейливые ужины, пить красное вино в большом количестве и смотреть кино?

Слегка приуныв, я позвонила по фейстайму папе. Он сидел на диване – судя по всему, в гостиной Умы. Лившееся в окна солнце подсвечивало стеклянный столик, ковер земляных тонов и узорчатые покрывала со множеством мелких деталей. Под потолком тихонько жужжал вентилятор. Таким счастливым я папу уже давным-давно не видела. Однако на лице его очень быстро отразилась тревога.

– Солнышко? Ты чем-то расстроена?

– Нет-нет. Правда.

– Уверена?

– Мне тут как-то сложнее, чем я думала. На улице такая холодрыга, что и выходить не хочется. Райан как раз пошел кататься на лыжах с нашими друзьями, хотя там около минус тридцати, – сказала я, снова ощущая себя плаксивым подростком.

– Они совсем спятили? Надеюсь, он о тебе заботится.

Папа не очень-то жаловал Райана, что в целом неудивительно – он про большинство моих кавалеров считал, что они для меня недостаточно хороши.

– Он очень меня поддерживает, правда.

– Если вдруг будет надо, звони мне в любое время.

На заднем плане у него послышался какой-то шум.

– Я вернулась! – окликнул папу женский голос. – Ну и пробки сегодня на дорогах! Мне сорок пять минут потребовалось, чтобы только... ой.

– Это я просто с Майей разговариваю. Иди сюда, присаживайся.

Я увидела тонкую седовласую женщину с элегантной короткой стрижкой и густо подведенными глазами. На ней была туника цвета охры. Папа прав – она и в самом деле очень привлекательная.

– Майя? Ты меня помнишь?

Я смущенно помотала головой:

– Простите, не помню. Ничего личного. И спасибо за все открытки.

– Ничего страшного. Так ты ей еще не сказал?

– Не успел. – Папа смотрел на меня как-то опасливо.

– Что не сказал?

– Понимаешь, вчера вечером мы с Умой ужинали...

– И я сделала ему предложение! – перебила она.

– И я сказал – да! Само собой!

Они, сияя, смотрели друг на друга. В ушах у меня зазвело от потрясения.

– Поздравляю, – слабым голосом выговорила я.

Ума подалась вперед:

– Майя! С тобой все в порядке?

– Конечно. Я правда очень рада за вас.

Я попыталась улыбнуться, но в голове еще гудел белый шум.

– Только знай, пожалуйста, я никогда и пытаться бы не стала заменить твою маму.

– Это совсем другое. – Я судорожно сплетала руки на коленях.

– Майя всегда нервничает, если что-то вдруг резко меняется. Чувствует, что теряет контроль над событиями, – объяснил папа.

– Но я знаю, что это хорошая перемена. Не переживай, я всецело за.

– Приедешь на свадьбу? – спросил папа.

– Ну конечно! А когда?

– Через месяц. Сразу после Рождества.

– Так скоро?

– В Индии не принято рассылать свадебные приглашения слишком заблаговременно, – объяснил папа.

– Ну да, потому что, если приедут все, сложно тебе придется, – добавила Ума.

– Ну я-то уж точно приеду.

– Я куплю тебе билет, – пообещал папа. – А то добираться сюда из Свальбарда наверняка выйдет очень дорого, учитывая, как скоро уже надо брать билет, не хочу тебя разорять.

Когда я через несколько минут разъединилась, в висках у меня пульсировало, а онемевшие пальцы начало покалывать. Распознав опасные сигналы, я закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. А когда снова открыла глаза, попыталась унять смятение, фокусируясь на звуках с кухни. Жужжание вентилятора над духовкой. Побулькивание бульона в кастрюльке. Слабое посвистывание ветра за окном. Я вынула из духовки хлеб и помешала бульон – чисто чтобы руки занять. Над поверхностью вдруг высунулась рыба голова и злобно уставилась на меня.

– Знаешь, я правда за него рада, – сообщила я ей. – Но это все так внезапно.

Ответа, что неудивительно, не последовало. Я процедила бульон и выкинула кости в мусорное ведро.

Жизнь переменится. Снова. Каково это будет – обзавестись мачехой? Так-то Ума казалась очень милой, но, сколько я себя помнила, у нас с папой всегда были только мы, никого больше. Папа и я. Однако и я уже выросла из под-

росткового возраста, и папа заслуживает счастья. Что меня на самом деле больше всего волновало – теперь от поездки в Бангалор не отвертись. При одной мысли об этом у меня начинала кружиться голова, а живот скручивало узлом. И никакие упражнения, чтобы жить моментом, тут не помогут. Это ощущение я про себя называла «школиками», потому что именно так себя чувствовала в первый день в «Файрфилд-праймари».

Помню, как цеплялась за папину руку, пока мы шли через заасфальтированную детскую площадку. Лил дождь (по ощущениям, тогда все время лил дождь и я всегда, всегда мерзла), мы брели от лужи до лужи. Резинки носков впились мне в лодыжки, школьное платье кололось. За дверью папа оставил меня на попечении мисс Джеймс, поцеловав перед уходом в макушку. Стоило ему скрыться, я заревела, мисс Джеймс изо всех сил пыталась меня утешить, но я не переставала рыдать. А вдруг с папой по дороге на работу что-то случится, как с мамой? Вдруг я сейчас видела его в последний раз? В конце концов мисс Джеймс удалось заткнуть меня пакетиком «Смартис» и несусветным враньем, что папа ходит на работу по специальной дорожке для пешеходов, где не ездят машины. А потом она отвела меня в класс. Когда я вошла, ко мне повернулось три десятка любопытных лиц, а мисс Джеймс велела мне представиться.

– Меня зовут Майя, я приехала из Индии, – сказала я, внезапно остро осознавая, до чего же мой выговор не похож

на ее.

Но как раз об этом можно было не переживать – через десять лет я и сама разговаривала точно так же.

Овощи дошли до полуготовности, так что я добавила соленую треску и креветки, а потом отмерила две чайные ложки сливок. Нет ничего успокоительнее, чем готовить строго по рецепту – отмерять муку в граммах, а сливки – чайной ложкой, так что все идет в точном соответствии с планом. Даже когда ты уже запомнил, как готовить то или иное блюдо, ты всегда знаешь, что в его основе, обеспечивая структуру, лежит рецепт, совсем как кости под кожей.

Мой пульс медленно вернулся к норме.

Через месяц я впервые вернусь в Индию. Когда я была маленькой, папа боялся, что это будет для меня слишком травматично. Подростком я отрицала свою индийскую половину. Именно она делала меня не такой, как все, а мне отчаянно хотелось ничем не выделяться. Другие индийские дети в школе не хотели со мной дружить. Что я понимала в их жизни – я-то, с белым отцом и белыми друзьями? А потом я познакомилась с Ниной. Она водила меня в лучшие индийские ресторанчики на Брик-лейн, заставляла вместе с ней мерить сари, вытащила на первый сеанс эпиляции рук. Она много лет приставала ко мне с уговорами поехать вместе в Индию на каникулы, но я находила себе отговорку за отговоркой.

– Просто не понимаю, чего ты так боишься! – как-то раз с досадой воскликнула она.

– У меня повышенная тревожность – я всего боюсь.

– Ерунда! Ты любишь всякие поездки на каникулы. Чего конкретно ты боишься?

– Что еда окажется слишком острой для моего западного вкуса...

Она возвела глаза к небу.

Мне потребовалось немало времени (и немало психотерапии), чтобы понять природу моей нерешительности. Я привыкла ощущать себя инопланетянином, попавшим на вражескую планету. И ассоциировала это ощущение со своим индийским наследием. Но что, если я попаду в Индию – и там меня сделает белой вороной моя британская сторона?

Райан оставил рядом с моей стороной постели стопку бумажных крон и записку с просьбой приготовить на ужин что-нибудь вкусное. Скрытый подтекст сообщения был ясен: он хочет, чтобы я непременно вышла сегодня из дому. Но моя тяга к исследованиям поутихла. Я уже побывала в двух музеях, нескольких кафе, ресторанах и даже в спортцентре – и после каждой такой короткой вылазки изнемогала от холода. Каждый день температура опускалась еще ниже, а темнота становилась еще непрогляднее. Я начала понимать, почему депрессия – такое частое дело на высоких широтах. В полном душевном раздоре я позвонила Нине.

– Здравствуйте, это Нина Пател, чем могу служить?

– Ты на работе?

– Совершенно верно, мадам. – Она перешла на шепот: – Перезвоню тебе через пять минут из туалета.

Пока я ждала, боль в груди у меня усилилась. Нина спросит, как я тут, в Арктике, развлекаюсь, и по моим ответам сразу же все поймет. Что бы она подумала, узнай, что к двенадцати часам пополудни я еле-еле выскребаю себя из постели? Почти все мои знакомые работают, не жалея себя, а я тут бездарно убиваю время.

Телефон зазвонил. Я так и подпрыгнула.

– Прости. Я еще на испытательном сроке – нельзя расслаб-

ляться.

– Все в порядке. Как оно тебе? – спросила я.

Нина пустилась с жаром описывать новую работу – как ей там интересно, но как она постоянно боится ошибиться и сесть в лужу.

– В соседнем отделе работает один парень, невозможно секси. Так и подмывает его куда-нибудь пригласить. Как ты считаешь? Можно немного поохотиться рядом с домом – или испорчу себе репутацию?

– Не знаю, – тускло отозвалась я.

– Что с тобой? Ты же всегда готова со мной поболтать на такие темы.

– Извини. Просто... тревожность сегодня совсем разыгралась.

Мой голос звучал как будто издалека. Зрение начало затуманиваться по периферии.

– Черт, Майя. Как бы я хотела быть сейчас с тобой. Ты там к себе побережнее, ладно? Переезд в другую страну всегда тяжело дается, а уж тем более в гадскую Арктику. Я бы совсем расклеилась. Да и любой бы.

– Только не Райан, – угрюмо отозвалась я. – Ему тут нравится.

– Он же столько лет Арктикой бредил, а ты бы сама по себе, без него, туда ни ногой. Кроме того, он слишком занят, ему бояться некогда. Ты с ним об этом говорила?

– Угу. Но я же не хочу обгадить ему всю мечту.

– Мне можешь плакаться, сколько душа пожелает. А северное сияние ты уже видела?

– Не-а.

– Ох, детка. Ты такая храбрая, что туда поехала. И не забывай об этом. Все устаканится. У тебя там есть какие-нибудь варианты познакомиться с интересным народом? Какие-нибудь занятия языком, или клуб-ресторан, или еще что-нибудь?

– Наверное.

– Мы тут с несколькими девочками устраиваем индийский книжный клуб по «Зуму». Присоединяйся! Первой книжкой взяли «Пенджабских вдов»².

– Звучит прикольно.

– Слушай, мне пора бежать. Через пять минут у нас большое рабочее собрание. Но я тебе позвоню после работы, и мы все толком обсудим. Обещаю.

– Конечно.

– Люблю тебя! Держись.

Когда она повесила трубку, я с трудом подавила желание забраться обратно в постель. Нина, разумеется, была совершенно права. Мне не следовало так себя загонять. Надо выбираться из дому, завести друзей. Хотя бы написать этому самому Миккелю. Последнюю неделю Райан каждый вечер осторожно спрашивал, не дошли ли у меня руки до письма.

² Видимо, имеется в виду роман Бали Джасвал «Эротические истории пенджабских вдов». – *Примеч. пер.*

И сегодня я отвечаю: дошли. Но сперва, конечно, надо принять душ, съесть здоровый завтрак и сходить в магазин за продуктами.

Через какое-то время, одолев полпачки печенья и миску «Чоко-попс», я прокладывала себе дорогу сквозь сугробы к единственному городскому супермаркету. Ветер набирал силу, гнал снег почти горизонтально, идти было тяжело, но я стиснула зубы и не сдавалась. Наконец впереди засветились стеклянные двери супермаркета, за которыми тянулись аккуратные ряды полок с товарами – привычное и знакомое зрелище казалось в окружающей тьме и снежных вихрях почти нереальным, даже слегка зловещим.

Я прошла в двери мимо объявления, что ружья следует оставлять снаружи. Когда мы с Райаном впервые добрались сюда вскоре после приезда, он деловито складывал продукты в тележку, а я еще не разобралась с курсом обмена и не могла толком оценить, что сколько стоит. Зато теперь уже полностью осознавала, как все безумно дорого – например, оранжевый перец за семь гиней. Хорошая половина овощей была недозрелой, а выбор специй просто удручал. Слава богу, я привезла свои. Я медленно зашагала вдоль полок, выбирая все самое дешевое: консервированный картофель, растительное масло, сосиски и ингредиенты для домашней пиццы.

К тому времени, как я расплатилась за покупки, снег усилился. Я стояла под защитой стены, глядя, как он валит уже

не отдельными хлопьями, а сплошными наклонными полотнищами.

– Лучше вам поторопиться. Будет только хуже, – сказала женщина рядом со мной, натягивая толстые перчатки и балаклаву.

Через несколько секунд она уже исчезла в буране. Осознав, что я не могу стоять тут вечно, я последовала ее примеру.

Ветер швырял охапки снега в лицо, буквально сбивал с ног. Напрягаясь всем телом и крепко держась за перила, я спустилась с крыльца. Кругом почти ничего не было видно, но я знала, что надо свернуть направо. Ориентируясь на редкие проблески освещенных витрин, я медленно двинулась по улице, но когда добралась до ее конца, ориентироваться стало не на что. Дальше надо было двигаться прямо до «Рэдиссон-Блю», а потом налево. Но «Рэдиссон» полностью поглотила вихрящаяся тьма.

Пошатываясь, я побрела вперед, надеясь, что иду в правильную сторону. Снег валил так густо, что я очень скоро потеряла какое бы то ни было ощущение направления. Сложно было отличить верх от низа, право от лева.

Осознание ударило меня точно молотом.

Я заблудилась.

В Арктике.

В буран.

– Помогите!

Ветер унес мой крик.

Паника подступила к горлу, как желчь. Если я остановлюсь, замерзну насмерть. Необходимо найти укрытие. Я знала, что надо вернуться тем же путем, как пришла, – но, когда я повернулась, улица пропала. Вокруг не было ничего, кроме снежной круговерти и тьмы.

Я потянулась за телефоном. Обхватила его ладонью, загромождавая от ветра. Экран почти мгновенно погас – не выносил холода, совсем как я. Я заставила себя двинуться вперед, против ветра. Глаза слезились. Я лишь отчаянно надеялась, что иду в правильном направлении. Через несколько минут в темноте, словно мираж, проступили огни. Я чуть не заплакала от облегчения. Каким-то чудом я нашла отель. Можно зайти туда и переждать метель. А когда прояснится, вызвать такси. Но стоило мне подойти к отелю поближе, внутри вдруг что-то переключилось.

Когда я войду в такое место, все будут на меня смотреть. А вдруг напитки там слишком дорогие и мне придется растягивать один бокал на много часов, выдерживая многозначительные вопросы, не хочу ли я чего-нибудь еще? А вдруг девушка за стойкой окажется заносчивой сучкой и не поможет мне вызвать такси? Или шофер не будет говорить по-английски? Во рту у меня пересохло, желудок скрутило судорогой, так что думать стало еще сложнее.

Тревога!

Тревога!

В таком состоянии я уж точно не могла никого видеть. Так что выбрала то, что сейчас казалось меньшим злом, – метель.

С трудом шагая вперед, я размышляла, какая же я чертова дура. Зайти в «Рэддисон» было самым безопасным вариантом. Однако из-за моей тревожности это казалось ничуть не менее опасно, чем спрыгнуть с крыши или зайти за незнакомым человеком в пустой дом. Разум меня предал. Опять.

Каким-то образом я все же добрела до музея, а там уж сумела отыскать нужную улицу. Наконец впереди замаячили огни нашего дома. Я вытащила из кармана карточку-пропуск и практически ввалилась в дверь. Потом мне потребовалось несколько минут, чтобы попасть в нашу комнату: руки озябли настолько, что толком не держали ключ. Наконец дверь щелкнула и отворилась. С обледеневшей одежды и волос капала вода. Я кое-как разделась, нырнула в постель и попыталась согреться. Когда конечности у меня снова начали хоть что-то чувствовать, вместе с физическими ощущениями накатил стыд.

Я даже в магазин не могу сходить, не заблудившись! Так психую, что боюсь зайти в отель – в заведение, где персоналу в самом прямом смысле слова платят за доброжелательность, – и попросить о помощи! Такой хилячке и трусихе в этих краях не место. Кончится тем, что я совсем перестану выходить из дому, превращусь в человеческого слизня, который лишь понапрасну занимает место и расходует кислород. Потянувшись к телефону, я послала Райану сообщение:

«Приди, пожалуйста. Совсем расписиховалась. Заблудилась в снегах».

Ответ пришел почти немедленно.

«Держись, скоро буду. ХХХХ».

Я зарылась поглубже под одеяло и свернулась калачиком.

Когда через пять минут дверь отворилась, у меня уже всю разыгралась гипервентиляция.

– Пищик? Ты себе ничего не отморозила?

Райан стянул с меня одеяло и посмотрел на меня расширенными от волнения глазами. Мне не хватало дыхания, чтобы ответить, так что я просто посмотрела на него и покачала головой.

– Что стряслось? Ты меня пугаешь.

Не такой реакции я ожидала. Я повернулась на другой бок, лицом к стене.

– Майя! Что я такого сказал? Я примчался сюда в перерыв, чтобы проверить, как ты.

Я ничего не могла с собой поделать – расплакалась. Райан сел рядом и принялся поглаживать меня по спине.

– Прости. Не хотел тебя расстраивать.

– Ты что. Это мне надо прощения просить. Я такая дура, простого снега испугалась.

– Глупости. Там сейчас и правда скверно.

– Но ты-то справился – и ничего.

– Да ладно, Пищик.

Я услышала звук расстегиваемой молнии, и Райан забрал-

ся ко мне в кровать. Я повернулась и закинула на него руку. Прижалась ухом к его груди и услышала, как бьется его сердце – ровно и размеренно, как метроном. Я начала потихоньку успокаиваться. Сейчас я дома, в безопасности – и никуда не выйду, пока метель не уляжется.

– Ну что, получше? – спросил он через пару минут.

– Угу. Немножко.

– Часто с тобой такое вот?

Я вытерла глаза и села. Райан смотрел на меня с выражением, расшифровать которое я не могла. Жалость? Отвращение? Я сказала себе, что это во мне разыгралась тревожность, что я всматриваю, чего нет.

– У меня было несколько панических атак с тех пор, как я перестала пить таблетки. Обычно в районе месячных. Ничего страшного.

– Я тебя такой еще не видел.

– Случается иногда. Не надо было мне тебе писать.

– Ну разумеется, надо. Не могу думать, что тебе придется так страдать в одиночестве.

– Спасибо, что пришел.

– Даже в голову не бери – тут же два шага. Но теперь мне правда пора обратно – в два часа у нас встреча всем коллективом. С тобой все будет в порядке?

Я попыталась улыбнуться.

– Конечно. Буду отлеживаться.

– Очень жаль, что тебе все это так тяжело. Мы что-нибудь

придумаем, обещаю.

Он поцеловал меня на прощание, взял куртку и вышел. Я сползла обратно на подушки. Меня восхищал оптимизм Райана, но моя тревожность не относилась к разряду того, что можно починить, как неисправные часы. Она свернулась внутри меня огромной змеей и снова и снова поднимала уродливую голову.

Через несколько дней глаза у меня саднили, а голова раскалывалась от просмотра двух романтических комедий подряд: «Когда Гарри встретил Салли» и «Простушки». Просто поразительно: то, над чем радостно смеешься, когда тебе хорошо, в плохой день добивает еще сильнее. Могла бы я громко изображать оргазм в кафе, демонстрируя на публику уверенность в себе и сексапил? Ходить с гордо поднятой головой, став героиней противного вирусного видео? Публично признаться в любви, хотя не уверена, как объект моих чувств ко мне относится? Нет, нет и нет, черт возьми. Конкретно сейчас мне даже вылезти из постели было практически не под силу.

«Иногда надо быть добрее к себе», – говорил мой последний психотерапевт. Так что сегодня я позволила себе расслабиться под фильм-другой. И теперь чувствовала себя бесполезным мешком навоза. Когда я стала собирать остатки энергии, чтобы подняться, мысль о том, что я искала забвения в эскапистских фильмах, зазвучала с новой силой.

Лучше бы выходила из дому почаще, знакомилась с людьми, поддерживала физическую форму. Для чего ты вообще приехала? Тебе тут не место. Райана начинает раздражать, что ты так расклеилась, вот почему его так тянет тусоваться с Бьорном и Астрид...

Самое частое сердцебиение в мире у карликовой многозубки: в среднем 1511 ударов в минуту. Мое сердце, кажется, колотилось примерно с такой же скоростью – быстро-быстро, до колющей боли в груди. Я в невесть какой раз задумалась, возможно ли умереть от страха? Распознав начало панической атаки, я выползла из-под одеяла и сосредоточилась на успокаивающем дыхании. А когда более-менее взяла себя в руки, потянулась за телефоном. Там оказалось сообщение от Нины.

«Сколько фоточек ты запостила в Инсте³ за последние дни! Надеюсь, тебе получше! Или ты это специально постишь без передышки, чтобы никто не догадался, как тебе фигово? Поговори-и-и-и-и со мной! XXXX».

Я просмотрела свои посты в Инстаграме. Селфи у витрины магазина с чучелом белого медведя. Видео вихрящихся в свете фонаря снежинок – я сняла его, пока курила на крыльце нашего домика. Кружка горячего шоколада со взбитыми сливками, а рядом книжка про исследования Арктики. В картинках моя жизнь выглядела потрясающе. Но Нина была права. Едва докурив, я бросилась в дом и захлопнула за собой дверь, сгребла сливки с шоколада (я тут уже набрала килограмм), вернула книгу на полку и забралась обратно в постель.

³ Деятельность Meta Platforms inc. (В том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

Бедный Райан. Он так терпеливо переносил это все. Вечером после моей панической атаки он пришел с работы раньше обычного, набив карманы шоколадками из университетского автомата. Вообще-то мы собирались куда-то с Бьорном и Астрид, но Райан сказал им: мне нездоровится, – а сам сделал хот-доги, и мы тихо-мирно просидели весь вечер у себя за просмотром «Бруклин 9–9». Но мне все равно казалось, что я испытываю судьбу. Ну сколько всего можно навьючить на одного человека? Я не хотела тянуть его вниз, как гиря. Но руки и ноги у меня так отяжелели, а стоило приподняться, сразу же закружилась голова.

Я хорошо знала, что такое тревожность, – жила с ней уже лет пятнадцать. В далекие дни моего раннего пубертата, пришедшегося на эру телефонного Интернета, мне разрешалось провести в сети пятнадцать минут за вечер. Предполагалось, что это мне для домашки, но я, конечно, сразу же выходила в инстант-мессенджер «Майкрософта» и общалась с незнакомцами. Каждый разговор начинался с одного и того же: «В-П-М» – возраст, пол, место. И как-то я разговорилась с flirtyunicorn666 (13 лет, Ж, Питтсбург). В отличие от прочей мелкой сетевой сошки, ей и вправду было что сказать о книгах, фильмах и школьной жизни. Мы договорились о времени, когда сможем пообщаться снова. Она спросила, не хочу ли я увидеть ее фотографию. Конечно, сказала я. Изображение грузилось до того медленно, что все части появлялись по очереди. Лицо. Хвост темно-русых волос, бледная кожа,

на зубах скобки. Голые плечи. А потом – две совершенно взрослые сиськи. Я немедля оборвала разговор. И тут же начала паниковать.

Сама-то я теперь с ней ни за что говорить не стану. А вдруг она со мной попытается?

Я увидела чужие сиськи. Получается, я лесбиянка? Извращенка? Но ведь наверняка же нельзя посылать по Интернету такие вещи? Наверняка же кто-то там сидит и проверяет все отправленные файлы? Наверняка же ОНИ узнают, приедут и найдут меня?

Я дышала так часто и глубоко, что начала задыхаться. В глазах потемнело, а в груди словно иголками закололо. Шатаясь, я спустилась вниз.

– Я умираю, – сказала я папе.

Оказалось, это просто паническая атака.

На сцену выходит когнитивно-поведенческая терапия. Выходит лекарство от тревожности, от которого меня тошнило и трясло. Выходит другое лекарство от тревожности, от которого у меня начались приливы. В двадцать с небольшим меня посадили на нечто, называемое избирательным ингибитором обратного захвата серотонина – эсциталопрам, – наконец-то я нашла хоть что-то работающее. И на сцену выходят теории. У мужчин, с которыми я встречалась, всегда возникала тьма-тьмущая идей о моем психическом здоровье, и они охотно делились этими идеями. В качестве первопричины наибольшей популярностью пользовалась потеря матери

в раннем детстве.

– Попасть из ситуации полнейшей безопасности в ситуацию утраты – ну конечно, у тебя психика вразнос пошла, – заявил мне один из бывших со всей безапелляционностью человека, который пару часов порылся в поисковиках.

Тогда я жарко запротестовала против его теории, но, может, зерно истины в ней и было. Послушать папу, мама была само совершенство, другой такой в целом мире не найти. Читала мне на ночь сказки, играла со мной в сложные ролевые игры. А уж на кухне – богиня. После ее смерти я две недели не разговаривала. При одной мысли об этом внутри у меня стало как-то пусто, хотя маму я совсем не помнила, ни самой мелочи.

Я любила представлять, как она бы справлялась с теми или иными ситуациями, если бы не умерла. Что сказала бы, позвони я ей прямо сейчас?

«Отлежись как следует, золотко. Не вставай из постели, наберись сил».

А может, практиковала бы строгую и требовательную любовь.

«Прогулка пойдет тебе на пользу. Не раскисай».

Строгая мама была бы права. Очень важно успеть чем-то себя занять – пока не скатишься слишком далеко. Но стоило мне посмотреть в окно, я вспоминала, как заблудилась, и внутри у меня что-то обрывалось. Как же быстро я вся развалилась без подруг и привычного распорядка! Мне даже сно-

ва начал сниться Тот Самый Сон. Всякий раз один и тот же. Я на пляже, босые ноги в песке. Море бьется о скалы вокруг. Одежда промокла от соленых брызг. Я вся дрожу. Солнце пылает огнем – красное, огромное, пугающее. Скользит по небу вниз, за горизонт, заливая волны зловещим сиянием.

В пересказе не похоже на сон, от которого просыпаешься в слезах. Но именно так я от него себя и чувствовала – как будто была свидетелем чего-то жуткого, непостижимого, а мир теперь стал темнее и неприятнее.

Как-то я погуглила, что значит, когда снятся большие волны. Значит это, что ты, видимо, являешься свидетелем чьих-то чужих эмоций, бурных и необузданных. Для меня этот ответ ничего не прояснил, поскольку из всех, кого я знаю, самые бурные и необузданные эмоции как раз у меня. Хотя, может, мы все про себя так считаем. Мне-то нравится думать, будто абсолютно все внутри психуют и переживают, но поди пойми, правда ли это. Интересно, умей я читать мысли, чувствовала бы себя более похожей на окружающие или наоборот?

Стукнула входная дверь. Услышав уверенные шаги, я торопливо выползла из кровати. Когда Райан открыл дверь в комнату, я сидела за письменным столом перед ноутбуком.

– Привет, малыш. – Он поцеловал меня в макушку. – До сих пор в пижаме?

– Я ходила немного пройтись. Потом переоделась обратно. Работаю над резюме.

Он тяжело опустился на кровать. Я немедленно перебралась к нему.

– Боже, ну и устал же я. Даже в зал идти сил нет.

– Может, и не ходи никуда? – с надеждой спросила я.

– Нет-нет, надо. Целую неделю туда не выбирался. Пойдем со мной?

– Да не, как-то не хочется.

Райан взял меня за руки и посмотрел мне в глаза. Хотела бы я знать, что он видит. Соблазнительную, но ранимую красавицу? Сомнительно.

– Ну слушай, мне так хочется побыть с тобой. Честное слово, выберешься – почувствуешь себя гораздо лучше. Главное – двигаться. Потихоньку, маленькими шажками.

Маленькими шажками, ага, щас! Как минимум двести шагов в крошечной темноте при минус двадцати. Это же промерзнуть до корней волос, до соплей. И ради чего? Сплошных унижений спортзала. Валики жира над поясом тренировочных. Трясущиеся при беге ляжки. Через две минуты – потоки пота из каждой поры. Да, чисто теоретически спорт приносит плоды – только мне редко удавалось их пожинать.

– Я как-то не создана для физкультуры.

– Ерунда! – почти рявкнул Райан. – Всем нужно поддерживать форму.

У меня задрожала губа.

Он вздохнул.

– Ну прости. Слушай, у меня был нелегкий день. Хочется

хотя бы напряжение сбросить.

Надо брать себя в руки. Ради нас обоих. Я с нечеловеческим усилием спустила ноги на пол. Пересиливая отчаянное внутреннее сопротивление, встала.

– Ну ладно. Я с тобой.

На лицо его вернулась улыбка.

– Вот здорово!

Он наскоро чмокнул меня в губы, тут же отвернулся и принялся собираться. Меня кольнуло чувство легкого раздражения. Он и понятия не имел, что только что ради него я взошла на моральный Эверест.

По дороге в зал он рассказывал мне про свой день. Какие у него все сплошь страшно умные коллеги и как на следующей неделе он начнет отслеживать перемещения белых медведей при помощи радиодатчиков. Райан всегда тянулся за мечтой, а я – за ним. И вот теперь он был счастлив, а я чувствовала себя совершенно потерянной. Надо было мне лучше планировать. Все случилось так быстро. Подруги, собственное жилье, работа – все исчезло в мгновение ока.

Когда мы добрались до спортзала, я уже совершенно расклеилась. И в лучшие-то времена терпеть не могу спортзалы. Нарциссам, может, и хорошо, когда от пола до потолка сплошные зеркала, но всем остальным деться некуда от лицемерия своих физических недостатков. Бежать было некуда, так что я воспользовалась второй доступной опцией: как можно дольше возиться в раздевалке.

– Ваш друг просил поторапливаться, – сказала мне какая-то женщина с кубиками пресса.

Учитывая, что основное население Лонгйира составляют преимущественно юные исследователи и искатели приключений, местный спортзал напоминал выставку культуристов и оружия. Райан уже растягивал мышцы на матах, так что я присоединилась к нему и начала с наклонов – но коснуться пальцев ног не смогла. Две недели, проведенные практически целиком и полностью в постели, на пользу моей гибкости не пошли. Но минут через пять мускулы у меня разогрелись, и я почувствовала себя капельку лучше. Ну что ж с того, что я не собираюсь пробежать много миль или поднимать штангу? Я гордилась собой уже за то, что вообще сюда добралась.

– Я на беговую дорожку, а потом на силовой, – сказал мне Райан.

– А мне куда?

– Давай для начала на эллипс? А потом на гребной тренажер?

Я забралась на эллипс. Краем глаза я видела Райана на беговой дорожке – он уже разогнался вовсю. Он поймал в зеркале мой взгляд и улыбнулся. Может, я и не такая спортивная, как он, но все же молодец, выбралась в зал. Через несколько минут ходьбы мысли мои тоже стали более размеренными. И недавняя моя паническая атака, и заметно нарастающее нетерпение Райана говорили об одном: мне необходимо собраться. В отличие от животных, люди не могут

переждать зиму в спячке. Как только вернемся из зала, сразу же напишу Миккелю, договорюсь про пробную смену на кухне.

Я нервно расхаживала по кухне, а Райан пытался меня подбадривать:

– Ну правда, ты отлично справишься. Сколько там народа работает?

– На кухне – я одна.

– Вот и здорово. Некому тобой командовать.

– Но если что пойдет не так, неприятности будут у меня.

– Астрид говорит, Миккель очень славный.

– Ну от нее чего еще и ждать? Она оптимистка.

Райан вскинул брови.

– Ты так говоришь, будто это что-то плохое.

– Ну-у-у, да.

– Не понимаю, с чего ты так взвилась?

В пылу момента мне сложно было объяснить, что именно меня так раздражает. Поэтому я переключилась на другой повод для недовольства:

– Ты еще не смотрел рейсы в Индию?

– Даже самый дешевый стоит несколько тысяч как минимум. А я не могу взять больше недели отпуска.

– Так ты не едешь?

– Прости, Пищик. Я бы с таким удовольствием погрелся на солнышке, поел приличного карри и посмотрел, как твой папа идет к алтарю. Но он и правда предупредил нас в по-

следний момент.

– То есть я еду одна?

– Ну не могу же я тебя всю жизнь за ручку водить?

К нашему обоюдному удивлению, я залилась слезами. К тому времени, как Райан меня утешил, вытер слезы и сто раз заверил, что раскаивается в своей нечуткости и вообще не нарочно, он уже опаздывал на работу. И хотя он клялся, что ничего страшного и он совсем не переживает, но скорость, с какой он ретировался, его выдала. Надо бы мне с ним полегче. Не его вина, что билеты такие дорогие. Тем более в глубине души я знала: папа предпочел бы, чтобы я приехала одна. Но прошлой ночью я очень плохо спала – металась и ворочалась в лихорадочном кошмаре о том, как сожгла на новой работе обед.

– Ты испортила мою сковородку! – возопил Миккель-мо-его-сна.

Он открыл окно и вытолкнул меня на потрескавшуюся шаткую доску. Я сделала несколько неуверенных медленных шагов, увидела внизу черную бурлящую воду – и у меня закружилась голова. Иногда людям снится, что у них есть суперспособности или они сногшибательно красивы. А вот я во сне не стала ни ловчее, ни привлекательнее обычного. Камнем полетела вниз – и проснулась в момент удара о ледяную воду. Нашарив в теплой темноте спальни Райана, я прижалась к нему всем телом и так и лежала, пока не успокоилась и не сумела снова заснуть.

Звук дверного звонка вернул меня в настоящее.

Вся трясясь, я схватила громоздкий уличный анорак и натянула ботинки. Уже прикидывала, не сказать ли Миккелю, что мне нездоровится, но, отворив дверь, увидела, что он вернулся в свой джип. Мотор джипа легонько урчал.

– Снова привет, – сказал Миккель, увидев меня в дверях.

При свете лампочки в кабине я лучше разглядела его лицо. Он оказался моложе, чем мне показалось в прошлый раз – борода и копна нечесаных волос добавляли ему как минимум лишний десяток лет. А еще он выглядел гораздо лучше, чем в моем сне. Может, и не стоит отказываться. В конце концов сплошь да рядом ожидание куда страшнее реальности. А раз уж я прошла через стадию ожидания...

– Не стой так, холода напустишь.

– Ой. Простите.

Я забралась на пассажирское сиденье и захлопнула дверцу. Свет в кабине погас. Миккель медленно повел джип по улице мимо студенческого жилья, а потом на шоссе, ведущее из города.

– Можно я закурю? – спросил он.

– Только если и мне можно.

– Само собой. Возьми у меня сигаретку. В бардачке лежат. Он нажал кнопки и опустил окна на пару дюймов.

Я вытащила покореженную папиросницу. Внутри лежало несколько аккуратно скрученных сигарет и зажигалка. Я раскурила две сигареты и протянула одну ему.

– Ну и как тебе тут? – спросил он.

Мы уже выехали из полосы домов. В окна я видела лишь кружащие в лучах фар снежинки.

– Очень нравится, спасибо.

– Хреново ты притворяешься.

Я попыталась снова:

– Место совершенно уникальное, но вся эта темнота меня немножко удручает.

– Это и есть классическое британское преуменьшение?

Я вспомнила, сколько плакала за последние две недели.

– Пожалуй. Чуть-чуть.

– У меня есть друг британец. Когда говорит, что у него что-то слегка побаливает, считай, он уже при смерти. Темнота может вогнать в депрессию. Зато это хорошее время, чтобы наобщаться с друзьями. Туристов меньше. И северное сияние. Из моего лагеря его отлично видно, вдали от огней большого города.

– Вы давно тут живете? – спросила я.

Почему-то меня сместило, что он называет Лонгйир большим городом.

– Тринадцать лет.

– Серьезно? Ух ты. И как вы... – начала я, но не закончила фразы.

– Я вырос на севере Норвегии. Неподалеку от вашей Астрид. Там все почти то же самое – мой городок тоже за Полярным кругом. Я работал на грузовом судне, ходившем меж-

ду Лонгйиром и Тромсё. А потом услышал, что тут открывают туристическую компанию. Стал одним из первых гидов. Планировал остаться на год, но чем-то это место меня зацепило. До сих пор иной раз дыхание перехватывает. Ничего лучше нет, чем отъехать на снегоходе куда-нибудь подальше, вырубить мотор и сидеть слушать.

– Что слушать?

– Иногда слышно, как ветер воеет или крачки кричат. Иногда – как снег трещит и поскрипывает. А иногда вообще ничего. Начинаешь свои мысли слышать.

А я и так все время слышу свои мысли. Да еще как громко. Вот уж чего мне в жизни совсем не надо, так это тишины. Мой беспрестанный внутренний монолог показался бы еще громче обычного.

– Звучит потрясающе.

Я думала, что на этот раз лучше сумела изобразить в голосе энтузиазм, но Миккель лишь рассмеялся.

– Ничего, это место в тебя еще вратет.

Мы миновали аэропорт и начали подниматься на холм. Так далеко от Лонгйира я еще не уезжала. Свет фар выхватил из тьмы деревянный дорожный знак «Лагерь у конца дороги».

– А дорога тут и в самом деле кончается? – спросила я.

– Метров через двадцать.

Мы медленно, рывками ползли по заснеженной колее. Я ощутила, как меня снова скручивают школики. Мы все уда-

лялись и удалялись от цивилизации. Есть ли тут водопровод и центральное отопление? Электричество? Чадающий костер и железный котел вместо кухни? Я нервно сжимала и разжимала во тьме кулаки.

– Чуть-чуть осталось, – сказал Миккель.

Вдалеке виднелись огни. Когда мы подъехали ближе, я различила очертания строений. Пара уличных туалетов и несколько деревянных избушек. Окна избушек янтарно светились.

Мы остановились и вылезли из машины.

– Вот главный домик. Кухня тут. Но сперва я тебе покажу, как тут что вокруг.

Он включил мощный фонарь и быстренько провел меня по своим владениям: обветшалые деревянные домики, в каждом несколько кроватей и именных шкафчиков, домик со снаряжением и душевая.

– У нас тут два уличных туалета, но есть еще один, со смывом, в главной хижине.

Потом он показал мне вольеры для собак, поменьше, чем у Астрид, и, соответственно, заметно потише.

– Иной раз мы устраиваем выезд на санях на пару дней, ночуем во льдах. В таких ситуациях нам нужен с собой выездной повар.

– Э... ну-у-у... по-моему...

Только тут я заметила, что он улыбается этой своей кривоватой улыбкой.

– А-а. Ха-ха.

– Готова приступать?

– Ага.

Он провел меня внутрь главного домика – в просторную комнату с деревянными панелями на стенах. Перед пылающим камином стояли старенькие потертые диванчики и кресла. Антресоли были битком забиты незнамо чем, а длинный деревянный стол завален бумагами. По всей комнате валялись лыжные очки, палки для ходьбы и фонарики. Как правило, беспорядок меня сразу бесит. Но здесь, в глуши, любое свидетельство того, что тут живут люди, внезапно радовало. Вообще-то в Лонгйире большинство ресторанов и отелей пытались имитировать стиль старых охотничьих хибарок, но всегда ощущалась некоторая нарочитость – только для туристов. Здесь же все было взаправду.

– Славное место, – сказала я.

– Угу. Посмотрим, что ты скажешь о кухне.

В углу виднелся дверной проем, занавешенный поеденным молью стеганым одеялом. Миккель отодвинул его и жестом пригласил меня заходить.

– Сюда.

Я обвела взглядом крохотное помещение. Плита с газовыми горелками. Почти такая же модель стояла у меня в первом самостоятельно снимаемом жилье. Газ в ней имел обыкновение гаснуть посередине готовки. Древняя микроволновка, чайник. А больше – практически ничего. Да еще и холо-

дрыга. Я видела клубы пара от своего дыхания.

Миккель покосился на меня.

– Пойду принесу нагреватель.

– Спасибо. Что вы хотите, чтобы я приготовила?

– Там есть какая-то колбаса. Может, поджаришь с картошкой.

– Только и всего?

Он пожал плечами.

– Готовь, что захочешь. Бери все, что есть в холодильнике.

Через пятнадцать минут я стояла в кухне, а сзади мне грел ноги переносной обогреватель. Я решила, что предложение Миккеля как-то не вдохновляет. Зато я нашла полбутылки сидра и банку горчицы. В меню значилась тушеная колбаса с горчичным пюре.

Нож, которым я рубила лук, все время слегка уводило в сторону, так что кусочки выходили неровными. Оставалось только надеяться, что никто не заметит. Я нарезала яблоки, мелко нарубила чеснок и подрумянила лук на старой гнутой сковородке. Недавние страхи, стоит ли сюда ехать, казались сейчас просто смехотворными. Это блюдо я могла приготовить хоть во сне. Никто не подгонял меня, не отпускал ехидных замечаний. Вся кухня была в полном моем распоряжении – все равно что дома готовить. К тому времени, как тушеная колбаса побулькивала на плите, я пришла в такое солнечное расположение духа, какого не помнила со дня приез-

да в Арктику. Я послала эсэмэску Райану:

«Все идет отлично. Прости, что закатила истерику утром. ХХХ».

На кухню просочились звуки басовитых мужских голосов. Через минуту Миккель отодвинул одеяло на входе.

– Ну как обед?

– Готов.

– Давай раскладывать по тарелкам прямо тут. Иначе все враз сметут. Парни прожорливы, как волки. И ты с нами поешь.

– Вы уверены? – Как-то неуютно стало при мысли о том, что придется обедать с полчищем слюнявых мужиков.

– Вполне. Чего ради прятаться на кухне, словно Золушка какая.

Через несколько минут я сидела за столом среди мужчин с обветренными ветчинно-красными физиономиями и загорелыми почти дочерна руками. Такого типажа я обычно побаиваюсь, но не успела я сесть, меня забросали комплиментами.

– Вы нас просто спасли. Вчера у нас была баночная ветчина и горелые гренки. Хуже школьных обедов, – сказал один молодой человек напыщенно. – А в понедельник Миккель замахнулся на спагетти карбонара. Вывалил пакет сливок на переваренные макароны, а сверху накидал нарезанной ветчины. Ни приправ никаких, ничего.

– Я дарю вам бесценный арктический опыт голода и ли-

шений, – сказал ему Миккель.

– О да, не сомневаюсь, во время зимовок трапперы питались именно что дерьмовой карбонарой, – ответил Напыщенный Юнец.

Миккель отмахнулся от него вилкой:

– Следи за выражениями, а не то будешь завтра собачьи вольеры чистить.

На лице юнца отразился такой ужас, что я засмеялась.

– Кстати, я Адам. Один из четырех гидов-проводников, – внезапно сообщил мой сосед по столу.

Он ел основательно и молча и подскреб с тарелки все дочиста.

Я обернулась посмотреть на него. Широкоплечий, черно-волосый, за сорок пять.

– А я Майя. Вы из Англии?

– Из Йоркшира. А вы?

– Из Кройдона.

– Мне и показалось, выговор южнолондонский. Что вас привело в Арктику?

– Мой парень. Он здесь, вот и я здесь. Знаете, как оно бывает.

– А то.

– А вас что привело?

– Долгая история.

– Я бы послушала, – улыбнулась ему я.

– В молодости я любил ходить в горы. Чем опаснее марш-

рут, тем лучше. Ну и разбился, причем довольно серьезно, а пока выздоравливал, от нечего делать много читал. Кто-то дал мне книгу про экспедицию Шеклтона. Захватывающее чтение! Я начал читать про Арктику все подряд. А как выздоровел, просто знал, что должен сюда приехать. У нас при университете были курсы проводников. Я их закончил. А потом как раз случилась работа у Миккеля. С нашего потока подались все, но он выбрал меня, бог весть почему.

– Может, ты ему приглянулся, – предположил кто-то из остальных.

Он и его приятели захохотали.

– Нет, потому, что он служил морпехом, – рявкнул Миккель.

– Вы тут и живете? – спросила я Адама.

Он покачал головой:

– Снимаю квартиру в городе. Хотя все равно чаще всего ночую тут.

– Майя, так вы будете для нас и дальше готовить? – спросил кто-то еще.

– Это зависит от Миккеля.

– Ну *йа*, конечно. Ты сама-то хочешь?

– Да, – торопливо сказала я. Кто бы не согласился на такую работу? Рисков никаких, расписание удобное, клиенты благодарные. – Только на Рождество я собиралась в Индию.

– Насчет этого не переживай. У нас две недели перерыва, без групп.

– Ваши родители из Индии? – спросил Адам.

– Мама.

– А индийскую еду вы готовить умеете? Убить готов за хороший карри.

От Нины я выучилась готовить несколько основных блюд – тарка дал, сааг панир, алу гоби, – но куда меньше, чем стоило бы (индийские блюда слишком трудоемки, говорила она, от них она сразу чувствует себя своей матерью). А сама по себе я предпочитала чистые и свежие нотки средиземноморской или средневосточной кухни.

– Не очень, – сказала я.

– Я год после школы провел в Индии, – сообщил Напыщенный Юнец. – Можете приготовить нам масала доса?

Я обвела взглядом кольцо выжидающих лиц. Совершенно не хотелось признаваться, что я понятия не имею, что такое масала доса вообще.

– Простите. Вот этого не умею.

– Но вы же так здорово готовите. Если я раздобуду рецепт, вы по нему сумеете? – спросил Напыщенный Юнец.

Что-что, а следовать рецепту я умела. Кое-кто из моих однокурсников в колледже прославился творческими сочетаниями ароматов и новаторскими технологиями. Только не я. Зато я умела следовать рецепту дословно и получать на выходе ровно то, что надо. Только для этого нужен правильный рецепт. Что-нибудь сытное, теплое и острое чтобы побороть холод. Наверняка Ума сумеет направить меня в нуж-

ную сторону.

– Ну ладно, мне пора, – сказала я. – Но я подыщу рецепт.

Рецепты профессиональной кухни – это глянцевые и совершенные произведения искусства. В них приводится точная температура готовки, а продукты отмеряются с точностью до грамма. Однако рецепт Умы оказался наброском, а не законченной картиной. Первым пунктом там стояло указание «поджарить лук». Сколько жарить и на каком огне? Я прищурилась, вглядываясь в экран телефона, нет ли карандашных пометок на полях. Она прислала мне фотографию записанного от руки рецепта. Почерк неразборчив, бумага вся в жирных пятнах. Название наверху гласило: «Баттер чикен».

– Там всего несколько специй и очень легко готовить. И всем всегда нравится, – пообещала Ума, когда я позвонила им с папой и попросила рецепт.

Как она и сказала, из приправ туда только и требовалось, что гарам масала, молотые тмин и кориандр и кашмирский чили. Каким-то чудом я привезла с собой кашмирский чили – он придает соусам богатый красный цвет, но сам по себе не очень острый, так что я часто им пользуюсь. Однако точного количества для приправ в рецепте не было указано. Оставалось полагаться лишь на свою интуицию.

За следующий час я сделала, что могла. Поджарила лук, чеснок и имбирь, добавила нарезанных помидоров. Протер-

ла и процедила эту смесь через сито. Добавила приличный кусок масла, чуточку сливок, а потом мед, чтобы убрать помидорную кислинку. Потом стала разбираться с приправами. Сперва осторожно положила по чайной ложке каждой, но, попробовав, поняла, что поскупилась, и удвоила, а затем и утроила исходное количество. Обжарила курицу на отдельной сковородке и закинула в кипящий на медленном огне соус. Вообще-то это блюдо полагается подавать с роти, индийскими лепешками, но по опыту жизни с Ниной я знала, что их и на двух человек готовить умучаешься, не то что на двенадцать. Так что сварила рис.

Пока я мыла посуду после готовки, меня начали одолевать сомнения. Эти люди, верно, разбираются в индийской кухне гораздо лучше меня. Я лишь надеялась, они не станут демонстрировать свою образованность, указывая мне, как «неаутентично» у меня получилось. Я сама поразилась, как сильно разнервничалась – точно если не справилась с блюдом, всей моей карьере сразу конец. По крайней мере, баттер чикен моего изготовления уж всяко вкуснее того, чем приходилось питаться полярным исследователям в былые времена. Чтобы хоть немного успокоиться, я мысленно набросала список.

Меню Исследователя Арктики

*– Пеммикан (иначе известный как вяленое мясо).
Любой, читавший Энид Блайтон или Артура Рэнсома,*

слыхал о нем. Иногда нам давали его в школе на ланч. Гадость редкостная, и это вам говорю я, выросшая настряпне моего папы.

– Галеты. И я имею в виду не нежные рассыпчатые печенья. Здоровенные твердые диски из муки, куда щедро примешали молочного белка, чтобы было покалорийней.

– Похлебка. Жидкая овсянка на растопленном снеге с добавлением мясных обрезков или запекшейся крови, иногда с крошечными галетами.

– Съедобный лишайник. Это что-то вроде мха, который растет на камнях. Из него полярники получали витамин С. Но на вкус он страшно горький и нередко вызывает несварение желудка или понос.

– Ездовые собаки. Ну что, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

– Консервы. Считается, именно из-за консервов погибла экспедиция капитана сэра Джона Франклина. В 1845 году технологии консервирования были еще в новинку, банки делали из свинца, который попадал в еду и вызывал галлюцинации, тревожность и паранойю.

– Товарищи по экспедиции. Скорее всего, именно вызванные свинцовым отравлением помутнения рассудка и довели команду Франклина до каннибализма (см. выше). Ну или они там слишком уж оголодали.

По сравнению со всем этим баттер чикен моего приготовления внезапно стал выглядеть куда как аппетитнее. Да и вообще, я еще даже не попробовала, а уже спешу выносить

приговор. Я окунула ложку в соус, поднесла к губам. Бархатистость масла, острота помидоров. Я ощутила на языке перчинку чили, густые нотки тмина и гарам масалы.

Я сижу за столом среди каких-то незнакомых людей. На столе стоит синяя миска, я тяну к ней маленькие ручки. Рокот общего смеха, мне в миску кладут новую порцию курицы...

И все. Исчезло.

Я замерла, так и держа ложку у рта.

Несколько смутных секунд – и все же я была глубоко потрясена. Я попробовала взять еще ложку. На этот раз – ничего. На меня накатило глухое разочарование. Может, у Райана найдется объяснение?

– Привет, малыш. А я думал, ты на работе? – сказал он, взяв трубку.

– Так и есть.

– Все в порядке?

– Со мной только что приключилось что-то ужасно странное. Я приготовила этот индийский карри, а когда попробовала, как вышло, вдруг вспомнила Бангалор. Как сижу и ем с какими-то людьми.

Из трубки не раздавалось ни звука.

– Алло? Ты еще тут? – спросила я.

– Да.

– И? Как по-твоему, почему я это?

– Понятия не имею.

– Должно же быть какое-то научное объяснение.

С Райаном всегда и на все есть научное объяснение.

Он кашлянул.

– Я знаю, как ты хочешь вспомнить то время, но...

– Но это все шутки подсознания?

– Я этого не говорил.

– Зато подумал.

– Ну... ты ж и сама понимаешь, звучит как натяжка. Что бы ты мне сказала, заяви я тебе вдруг, что во время еды внезапно вспомнил что-то, что произошло двадцать лет назад?

– Ну да, пожалуй.

– Прости, Пищик, не хотел тебя огорчать.

– Ты и не огорчил. – Я изо всех сил старалась придать голосу хоть немного энтузиазма.

– Это хорошо. А теперь не буду больше отрывать тебя от работы. Я в зал.

– Хорошо тебе там время провести.

– Тебе тоже.

Я отключилась, чувствуя, что вся словно сдулась. Райан не самый подходящий человек для таких разговоров. Он называет себя рационалистом – человеком, не верящим в чудеса, инопланетян и привидения и даже не заигрывающим с мыслью об их существовании. Пожалуй, когда я рассказала все вслух, звучало оно и вправду притянутым за уши. Я

знала, что он скажет, попробуй я поднять эту тему опять: то, что два события случились одновременно, еще не значит, что они взаимосвязаны. И все же я не могла отделаться от чувства, что да, и вправду связаны.

Снова взяв телефон, я написала Уме:

«Откуда этот рецепт?»

Занавеска на двери качнулась, и в кухню шагнула женщина примерно моего роста, с короткими кудрявыми волосами и кольцом в носу. Она была все еще в уличной одежде, на лбу у нее сидели лыжные очки с золотыми ободками в виде шестеренок.

– Ну наконец-то тут появилась еще одна женщина, – сказала она с американским акцентом.

– Майя, – представилась я.

– Рита.

– Вы тоже тут работаете?

– Да, от случая к случаю, вожу группы. Пришла посмотреть, не надо ли вам помочь раскладывать.

– Спасибо, было бы здорово.

Мы щедро разложили по мискам курицу с рисом и отнесли на стол.

Я села рядом с Ритой, глядя, как все дружно навалились на еду. А когда наконец попробовала и сама, никаких воспоминаний на меня не нахлынуло. По всей видимости, как явно считал Райан, я это все просто вообразила.

– Умопомрачительно, – сказал Адам.

– Даже лучше, чем я думал, – прибавил сидевший рядом с ним Миккель.

– Боже, как приятно попробовать что-то не пресное, – сказала Рита.

– Эй, Рит, а ты сама откуда? – спросил кто-то из проводников.

– Родилась в Монтане, но потом переехала в Нью-Йорк. А вот мама у меня пуэрториканка, ты ведь об этом, да?

Он кивнул без тени смущения.

– А когда вы сюда переехали? – спросила я у нее.

– Всего два года назад. Прошла те же курсы, что Адам, а потом так и осталась работать.

– И ходила в экспедицию, – добавил Миккель.

– Экспедицию?

– Ага. Мы вдвоем доплыли на пароходе до северной оконечности Свальбарда, а оттуда вернулись в Лонгйир на лыжах. Ночевали в палатках или в старых охотничьих домиках, если удавалось найти. Офигеть эпично было.

– Звучит не то слово как, – согласилась я.

– А вы тут пока много разведать успели? – спросила она.

Я покачала головой.

– Совершенно не умею стрелять, да и, говоря начистоту, темнота меня несколько угнетает.

– Ничего, в два счета привыкнете, – сказала Рита. – Но покамест тут есть и несколько приличных баров. Надо как-нибудь сходить вдвоем выпить.

– Спасибо, – благодарно отозвалась я.

Рита производила впечатление человека, с которым тусоваться весело.

Адам уже доел свою порцию.

– Майя, сегодня домой вас повезу я. Рита, могу и тебя подбросить, если тебе неохота ехать на снегоходе.

– Спасибо, отлично.

– А я думал, ты сегодня тут ночуешь, – сказал ему Миккель.

– Надо стирку поставить.

– У нас же тут есть стиралка.

Рита закатила глаза.

– А сушилки нет. Да и вообще хочу наконец выспаться толком.

– Ну ладно, – буркнул Миккель.

Я доела, помыла посуду и к концу этого времени окончательно вымоталась. Мечтала наконец добраться домой и завалиться в постель в обнимку с киндлом – впервые за долгое время я чувствовала, что это заслужила. Я вытерла руки, потянулась за телефоном и обнаружила, что Ума уже ответила на мою недавнюю эсэмэску:

«Это рецепт твоей мамы».

У меня перехватило дыхание. Сама того не зная, я приготовила одно из блюд своей мамы. Я знала, что она любила готовить, но папа никогда не упоминал, что она записывала рецепты. С бешено бьющимся сердцем я настучала ответ:

«А еще там есть?»

Ума прислала мне второй мамин рецепт – чикен бирияни. Стоя на кухне в лагере, я не знаю в какой раз всматривалась в фотографию. Мамин почерк меня завораживал. Я даже попыталась было проанализировать его по графологическому сайту в Интернете. Крошечные букочки предполагали, что она была интровертом, а наклон вправо означал, что она отличалась сентиментальностью и ценила друзей и семью. Но больше ничего мне выжать не получилось, потому что почерк у мамы был удивительно непостоянен. Одни буквы соединены между собой, другие – нет, написаны с разным нажимом, петельки, что внизу, что вверху, разного размера. И хотя я сказала себе, что графология – чушь собачья, но все равно в глубине души осталась раздосадована.

Для бирияни курицу надо было сперва мариновать в специях, потом потушить в йогурте, а затем накрыть сверху полуотваренным рисом и оставить томиться и пропитываться. Хотя в теории звучало довольно легко, однако следовать этому рецепту оказалось сложнее, чем с баттер чикен. Чернила местами выцвели, а указания были довольно расплывчатые. С ингредиентами тоже вышло не очень гладко. Миккель не сумел раздобыть в магазине свежую мяту, а вместо басмати купил дешевый быстро варящийся рис. В результате я получила кастрюлю комковатого и водянистого риса, в котором

барахтались, словно утопающие, куски анемичной курицы. Когда я попробовала это блюдо, оно никуда меня не перенесло.

– Чего ты такая недовольная? – спросил меня Миккель за ужином.

– Вышло неправильно.

– А мне все норм.

– Такое необычное ризотто, – сказал Адам. – И ты здорово туда индийские специи добавила, мне нравится.

– На самом деле это бирияни.

– Ой. Прошу прощения.

За ужином я изо всех сил старалась смеяться вместе со всеми, но не могла отделаться от разочарования. Я знала, что могла бы справиться лучше. И лишь уже оставшись одна, за мытьем посуды, поняла, что меня больше всего задело. Мне казалось, не справившись с маминым рецептом, я подвела и ее саму, и память о ней. Может, в гостях у Умы мне удастся получить какие-нибудь полезные советы.

Мой телефон загудел. Сообщение от Райана:

«Привет, малыш. Еду смотреть северное сияние с Бьорном и Астрид. Смотри на небо! Сегодня прогноз что надо. ХХ».

Ну почему он раньше-то не предупредил? Неужели нарочно хотел пойти без меня? Я прогнала эту мысль из головы. Райан бы ни за что так не поступил – наверное, они втроем спонтанно собрались. И все же мне бы хотелось, чтобы он

позвал и меня. Могли бы заехать сюда и забрать меня по дороге.

«Приятного вечера!!! ХХХХ», – ответила я.

Что толку было бы жаловаться. За последние две недели он наслушался моего нытья.

Я вернулась в гостиную. Пара человек играла за столом в карты. Адам с Миккелем сидели на диване. Адам читал, а Миккель, водрузив на орлиный нос очки-полумесяцы, вязал рыжеватого-коричневый шарф с темно-синей каймой.

– Какой симпатичный шарф, – сказала я.

– Меня крестная научила. В детстве я любил вязать, но, как подросток, начал стесняться. А теперь уже слишком стар, мне плевать. Надо же чем-то заниматься зимой.

– А по-моему, очень круто. И показывает, что вопросами имиджа ты не озабочен.

– В чем, в чем, а в этом его никто не обвинит, – вставил Адам.

– Так зачем ты тогда вяжешь? Телок клеить? – спросил кто-то из ребят.

– А то, – ответил Миккель, переглянувшись с Адамом смеющимися глазами.

На коленях у них лежал шарф, и я заметила, что бедра их под шарфом соприкасаются друг с другом довольно-таки тесно.

Миккель посмотрел на меня.

– Закончила?

– Да.

– Парни собираются в город выпить. Заказали такси-микроавтобус, будет тут через двадцать минут. Могут и тебя подбросить, если хочешь, – сказал Адам.

– Отлично, спасибо.

Я вдруг почувствовала себя третьей лишней.

– Пойду пока покурю.

Миккель поднялся.

– Я тоже.

– Миккель... – начал Адам.

– Да, Адам? – ответил Миккель тоном, не допускавшим возражений.

Адам нахмурился и снова уставился в книгу.

Мы выдохали облачка дыма, которые скользили над освещенным крыльцом и таяли в темноте.

– И давно вы вместе? – спросила я.

Миккель покосился на меня исподлобья.

– Что-что?

– Вы с Адамом.

– Откуда ты знаешь?

– Просто догадалась. А это тайна?

– Нет. Но не рассказывай никому. Мы пытаемся оставаться профессионалами, только и всего. Рита в курсе.

Голос у него зазвучал басовитее и как-то грубоватее. Уж не смутился ли он? Если хочешь что-то про кого-то узнать, назойливость не помогает. А вот если промолчишь, твой со-

беседник сочтет своим долгом заполнить паузу. Я затащила сигаретой. Завыла собака. Из одного из домиков доносился приглушенный гул радио. Кто-то подпевал, не попадая в ноты.

– Около года.

– Здорово, что вы сумели найти любовь в такой глуши.

– Это не любовь, – резко перебил меня Миккель.

– Ой, прости.

– Он хочет, чтобы я бросил курить. Побрился и постригся.

– Тут я с ним соглашусь, – признала я. – У тебя очень славное лицо. А курить вредно для здоровья. Может, попробуешь все-таки? Любые отношения – про компромиссы. Ну то есть вот, посмотри на меня. Я бросила работу и друзей и приехала сюда со своим партнером, Райаном.

– Но это же никакой не компромисс.

– Эй, вы там! Тушите свет и выходите сюда! – завопил кто-то.

– Почему? – проорал Миккель в ответ.

– Северное сияние.

– Пойду позову Адама.

Он скрылся внутри. Через несколько секунд во всем лагере погас свет. Я спустилась с крыльца и задрала голову.

– С ума сойти! – выдохнула я, обращаясь в пространство.

Надо мной нависало восхитительно ясное небо, а в нем – тысячи звезд и яркая горбатая луна. Когда мои глаза привыкли к темноте, я различила светящуюся тускло-зеленую

ленту. Она мерцала в небе и с каждой секундой делалась все ярче и ярче. Вскоре к ней присоединились и другие цвета – разрезающие тьму волнистые полосы фиолетового и синего.

– Красотища, – произнес чей-то голос позади меня.

Я обернулась. Адам с Миккелем сидели на нижней ступеньке крыльца и смотрели в небо. На меня накатила острая тоска по Райану. Так здорово было бы любоваться северным сиянием вместе с партнером – точно салютом. В прошлом году мы ходили смотреть на салют; Райан стоял у меня за спиной, обвив руками мою талию. А сейчас был где-то за милю от меня, в темноте. И ведь сама виновата, зачем я постоянно отсиживалась дома. Вот вернусь из Индии и буду лучше стараться. Буду ездить с народом кататься на лыжах. Перестану стонать из-за погоды. Может, как станет теплее, мы даже сами вдвоем куда-нибудь съездим на снегоходе. Я знала, что Райан оценит, если поймет, что я стараюсь.

Я глубоко вздохнула и снова подняла взгляд к полярным огням – танцующим в небесах полосам чистого света. Они были до того невысказанно прекрасны, что я вдруг поняла, отчего много-много лет назад люди считали, будто они означают присутствие иного мира совсем рядом с нашим. Мира, видимого лишь в проблесках, недостижимого и недоступного. Огни разгорались ярче, а на душе у меня вдруг стало легче. На меня накатило ощущение нереальности. Прошлый месяц был очень сложным. Но я преодолела его, прошла до конца – и вот теперь сидела тут, любуясь северным сиянием.

Может, Арктика не так и ужасна.

Часть вторая

12

В самолете до Бангалора я почти не сомкнула глаз. В голове роился вихрь хаотических мыслей, я судорожно перебирала все, что знаю об Индии, то есть все, что почерпнула из разговоров с папой и Ниной, а также голливудских фильмов, которые она периодически заставляла меня смотреть. Население: примерно 1,38 миллиарда. Разделилась в 1949-м. Славится любовью к крикету, огромным разнообразием специй и самыми высокими горами в мире. Хиппи из белого среднего класса боготворят ее за религиозные праздники, храмы, ашрамы и вечеринки при полной луне. Все эти полубессвязные обрывки сведений лишь заставили меня полнее осознать, как мало я знаю, и меня тут же затошнило от мысли о тысячах ошибок, которые я могу совершить. Если я надену подаренную Ниной синюю куртку и буду вести себя тихо-тихо, сумею сойти за свою? Или все кругом сразу опознают во мне чужую? Ах, если бы я не уезжала оттуда так надолго! Если бы папа преодолел мое подростковое упрямство и свозил бы меня туда. Но, полагаю, у каждого из нас были свои причины не ехать, и с каждым годом они становились все сильнее и несуразнее.

Где бы я ни жила, на столике в изголовье кровати у меня всегда стояла одна и та же фотография в рамочке: наша семья.

Папа, долговязый, в плохо сидящем костюме, и мама в вышитой юбке и красной короткой кофточке, с фигурой, которую я, к сожалению, от нее не унаследовала: эта тонюсенькая талия, эти шикарные бедра. Они казались выходцами из двух разных миров. Или казались бы, если бы между ними не стояла я: кожа темнее, чем у папы, светлее, чем у мамы, глаза мамины, нос папин. Я столько раз гладила пальцем ее лицо, что стекло на этом месте засалилось, а черты мамино-го лица стали размытыми и нечеткими.

Как бы мне хотелось хоть что-то о ней помнить! А я даже не помнила, как забывала. Знала только то, что мне папа рассказывал.

Что папа рассказал мне про маму

– Она выросла в Дели и уже совсем было собралась замуж за свою детскую любовь, но семья жениха внезапно разорвала помолвку. А поскольку они принадлежали к одному и тому же кругу, то постоянно сталкивались на всех социальных сборищах, и это было так неловко, что мама сбежала в Бангалор пожить у тети, пока все не уляжется. Большая ошибка. Там она пошла работать стенографисткой в фирму по импорту-экспорту и познакомилась с папой. Он приехал туда в командировку на полгода. И ему не потребовалось особых уговоров, чтобы там и остаться.

– По папиным словам, мама любила животных. Особенно местных уличных псов. Каждую неделю ходила на рынок и покупала там кости и обрезки. Готовила их с рисом, получалось псино-яни (бирияни для собак). А потом выносила на улицу в здоровенном корыте и кормила все двадцать с хвостиком уличных собак.

– Мама была избалованной богатенькой девочкой – ну то есть до того, как ее практически выгнали из семьи за то, что она вышла за папу, – и до приезда в Бангалор вообще не умела готовить. Но когда соскучилась по блюдам своего детства, уговорила тетю научить ее пенджабской классике. Потихоньку она привыкла и к кухне Южной Индии и начала вызнавать рецепты у соседей и друзей. Тогда папа стал ей рассказывать, к какой еде привык с детства и по чему скучает, а она пробовала готовить по его описаниям. «Всякий раз получалось что-то новое, но иногда даже лучше, чем в оригинале. Как-то раз к нам приехала в гости моя мать и привезла пачку спагетти. Мама приготовила их с соусом болоньезе. От доброй порции чили они вышли гораздо вкуснее обычного», – сказал папа как-то, и глаза у него затуманились.

Мама умерла незадолго до своего сорокового дня рождения. Попала под машину. В индийских городах дело нередкое. Вышла вечером купить кебаб на ужин, сказал папа, и не вернулась. Мы с ним оба постоянно жалели, что в тот день не решили ограничиться ужином домашнего приготовления.

Таковы были воспоминания, которыми я вооружалась, когда самолет пошел на посадку в Бангалоре. От нервного возбуждения, что изводило меня в полете в Лонгйир, сегодня не было ни следа. Лишь тошнотворная, выворачивающая наизнанку тревожность.

Нередко, чтобы успокоиться, я повторяю в голове какие-нибудь факты (знаю, что это, скорее всего, просто вариант самоотвлечения, но у всех свои недостатки), так что снова двинулась по нынешнему списку.

Индия – вторая по количеству населения страна в мире после Китая.

Индия – вторая по количеству населения страна в мире после Китая.

Там находится самый влажный и дождливый город в мире – Черапунджи.

Там находится самый влажный и дождливый город в мире – Черра-пунд-жи.

Черт, даже я не знала, как правильно его выговаривать.

Преодолевая тошноту и слабость, я, пошатываясь, вышла из самолета. На пограничном контроле встала в очередь для иностранцев. Когда я протягивала паспорт чиновнику, на меня вдруг накатил легкий приступ школиков. До сих пор я ни разу не пользовалась картой гражданина Индии, проживающего за рубежом, и мне внезапно ясно представилось, как меня разворачивают на границе.

– Майя... Рид-Каур?

– Да.

Он ухмыльнулся и принялся разглядывать мой паспорт – по ощущениям, куда дольше необходимого, но наконец протянул его обратно.

Первое мое впечатление по выходе из аэропорта – до чего же тепло! Половина шестого утра, а мне было нормально в легинсах и тонком свитерке. Воздух был дымнее, чем в Лонгйире, и как-то слаще: пахло пыльной свежестью остывшего за ночь асфальта. Я обвела взглядом людское море за ограждениями и скоро высмотрела неистово машущего мне папу. При виде его тугой комок у меня внутри словно бы чуточку разжался.

– Папа!

Я обхватила его обеими руками, как в детстве.

– Как долетела, солнышко? – спросил он, осторожно высвобождаясь.

– До чего же хорошо наконец выйти из самолета.

– Наверняка ты зверски устала. Надо скорее взять тебя домой. Ума пошла за чаем.

Мы миновали ряд залитых светом продуктовых прилавков, потом перешли дорогу и прошли мимо стоянки такси, где толпились в очереди пассажиры с тележками, нагруженными горами багажа. Я праздно гадала, из каких стран они прилетели и куда направляются теперь.

– Умина квартира тебе понравится, – сказал папа. – В гостевой спальне есть вентилятор, но нет кондиционера. Наде-

юсь, ты не очень зажаришься.

Да он же ужасно нервничает, поняла я вдруг.

– Наверняка все просто отлично, – сказала я.

Мне больше всего на свете хотелось поддержать папу. И я вовсе не собиралась капризничать, точно взбалмошный подросток.

Ума стояла у машины, прихлебывая чай из бумажного стаканчика. В безразмерной вязаной шапке и жилете она казалась гораздо миниатюрнее, чем по Скайпу.

– Здравсьте, – неловко сказала я.

– Майя! – Она обняла меня. – Ты, верно, совсем замерзла.

– Да не то чтобы. В Свальбарде сейчас минус пятнадцать.

Она вскрикнула во весь голос, точно ужаленная.

– Как там люди вообще выживают при такой холодине?

– Ума не приложу, кому хочется туда ехать и жить в таком нечеловеческом климате, – добавил папа.

Про себя я отметила легкий выпад в сторону Райана, но решила не реагировать.

Мы сели в машину, и Ума повезла нас из аэропорта. Небо едва-едва начинало светлеть, но дороги уже были забиты битком. Сплошной поток машин, горящие фары, яростные гудки. Разметки между рядами на шоссе не было, все так и норовили втиснуться в любой кусочек свободного места – самоубийцы какие-то. По обеим сторонам дороги торчали, точно грибы, многоквартирные дома – многие еще недостроенные, призрачные силуэты в рассветном тумане. На меня

вдруг навалилось уныние и смертельная усталость. Не знаю, что я ожидала увидеть, но явно не это.

– Вообще ничего не узнаю.

– В твоём детстве ничего этого тут и не было. Даже аэропорт был другой, на окраине города. Теперь-то эта окраина, считай, в центре, – сказал папа.

– Когда ты тут жила, население города составляло миллион человек, – добавила Ума. – А теперь двенадцать миллионов. Погоди, вот увидишь утреннее движение на дорогах.

– Как отдохнешь немножко, можно втроем сходить куда-нибудь на ланч, – предложил папа. – Тут совершенно фантастические новые рестораны. Любая кухня, чего ни пожелаешь: гоанская, итальянская, японская.

– Заранее предвкушаю, – слабым голосом проговорила я.

Голова у меня начала гудеть. Усталость наконец вытеснила тревожность, сейчас мне хотелось лишь одного – как можно скорее оказаться в удобной постели. Я закрыла глаза и начала куда-то уплывать...

– Майя?

Я открыла глаза.

– Приехали, солнышко.

Ума припарковалась возле многоэтажного дома с нежно-розовым фасадом. Балкон первого этажа был весь увит какой-то растительностью, отбрасывающей на стену сложный узор теней. Вслед за папой и Умой я прошла через уны-

лый коричневый вестибюль в скрипучий лифт. Когда мы наконец оказались в квартире, я вся так и обмякла от облегчения.

– Вот это гостевая спальня. – Ума показала на первую дверь.

– Вы не против, если я сразу в кровать? – еле ворочая языком, спросила я.

– Ну конечно же нет.

Я оказалась в комнате с двумя односпальными кроватями, белыми стенами и мраморным полом. Занавески на окнах и покрывала на постелях были оттенка зеленоватой морской синевы. На полу лежал плетеный ковер с абстрактным узором бирюзовых, синих и белых тонов. Я краем глаза поймала в зеркале свое встрепанное после долгой дороги отражение.

– Хочешь есть или пить? – спросила от двери Ума.

– Просто воды, если можно.

Словно в тумане, я почистила зубы и умылась. Когда я вернулась в комнату, на столике возле кровати стоял стакан с водой, а вентилятор под потолком был включен. Я рухнула на кровать и натянула одеяло до подбородка. На миг меня одолела та сюрреальная паника, какая возникает, когда наконец попадаешь в место, о котором грезил многие годы. Я рисовала себе узкие лощины, женщин в ярких разноцветных нарядах, клубы оранжевой пыли. А вместо этого получила полутемное шоссе среди строек. Может быть, завтра я увижу тот Бангалор, который ожидала найти. Но сейчас все

надежды почувствовать себя дома пошли прахом. Меня вы-
бросило на берег, где все выглядело и звучало чужим. Одна-
ко, несмотря на разочарование, удивляться тут было нечему.
Окончательно побежденная усталостью, я закрыла глаза, и
жужжание лопастей вентилятора в два счета меня убаюкало.

Проснувшись, я обнаружила на подушке маленькую лужицу слюны. Сквозь щель между занавесками струился яркий свет. Я раздвинула их и увидела напротив соседний дом. Стены так и сверкали на солнце – и это зрелище вызвало у меня странный наплыв чувств. Никогда больше я не смогу воспринимать дневной свет как что-то само собой разумеющееся. Я открыла окно и высунула руку, подставляя кожу ласковому теплему воздуху.

В дверь постучали. Я отдернула руку.

– Входи.

На пороге вырос папа с чашкой чая в руках.

– Ты так москитов напустишь. Опустит сетку.

Я закрыла окно и взяла чашку.

– Спасибо. Сколько времени?

– Полдень. Ума разговаривает с клиентом по телефону.

Мы думали после этого пойти на ланч.

– Конечно. Только душ приму.

– Придется подождать, пока колонка нагреется, – предупредил он по дороге к ванной.

– Что за колонка?

– Электронагреватель. Тут нет централизованной горячей воды. Вот включатель. Это минут двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.